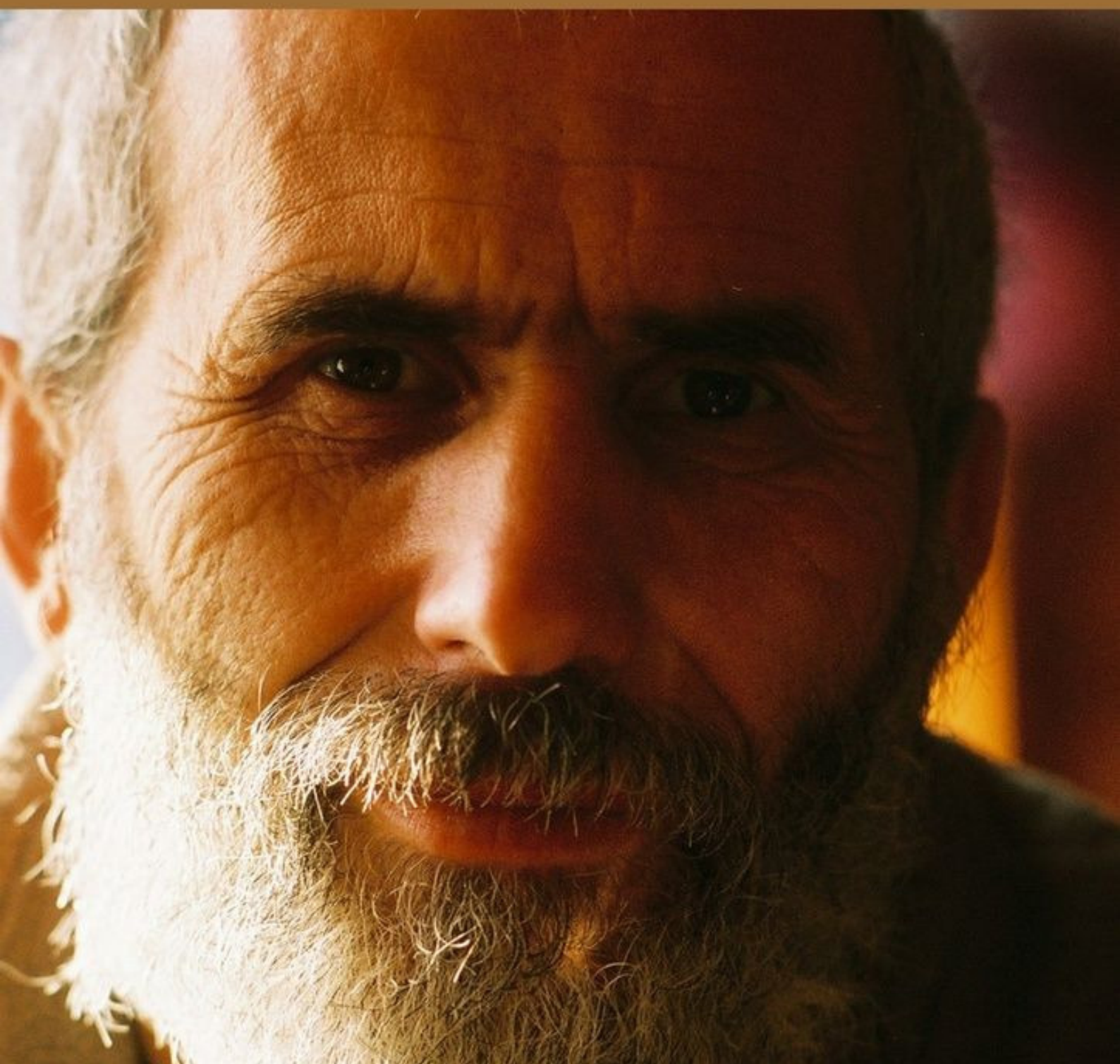

18+

Несин Владимир
*Записки босоногого
путешественника*

Несин Владимир

**Записки босоногого
путешественника**

«Издательские решения»

Владимир Н.

Записки босоногого путешественника / Н. Владимир —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830462-0

С Владимиром мы познакомились в Мурманске. Он ехал в автобусе, с большим рюкзаком и... босой. Люди с интересом поглядывали на необычного пассажира, но начать разговор не решались. Мы первыми нарушили молчание: «Простите, а это Вы, тот самый путешественник, который путешествует без обуви?». Он для верности оглядел себя и утвердительно кивнул: «Да, это я». Поразили его глаза и улыбка, очень добрые, будто взглянул на тебя ангел с иконы... Панфилова Екатерина, редактор

ISBN 978-5-44-830462-0

© Владимир Н.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. К «Огненной земле»	6
Канада	6
Транзит через Штаты	10
Транзит через Мексику	14
Эквадор	15
Перу	17
Боливия	19
Аргентина	25
Chille	32
Опять Аргентина (Путь на север)	35
Уругвай	43
Кусочек Бразилии	47
Опять в Уругвае	48
Снова Аргентина	49
Парагвай	51
Бразилия	55
Венесуэла	66
Опять Штаты	68
Канада	69
Часть 2. По Шелковому пути	70
Подготовительный этап	70
Амстердам	71
Египет	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Записки босоногого путешественника

Несин Владимир

© Несин Владимир, 2016

Редактор Екатерина Панфилова

Корректор Екатерина Загорье

ISBN 978-5-4483-0462-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. К «Огненной земле»

Общее расстояние = 32.000 км.

Пешком пройдено 8500 км

Канада

В Канаду мы вернулись в канун Рождества, и природа сделала нам подарок – дожди сменились обильным снегопадом. Здесь, в западной части Британской Колумбии, это отнюдь бывает не каждый год. Правда, через пару дней снегопад сменился нудным дождичком, но снежный покров удержался-таки до Нового года. Так что нам троим удалось всё же поводить хоровод вокруг ёлочки, растущей во дворе дома, где снимал комнату Никита. Отпечатки наших босых ступней, правда, исчезли вместе со снегом уже на следующий день. Так что православное Рождество и русский Старый Новый год наша семья встречала без снега.

Всё это время мы жили в маленькой комнатке моего сына, который работал в той же компании, в которую я устроил его 14 месяцев назад. За это время сидячая работа ему поднадоела, и он с радостью принял моё предложение – сменить деятельность. Да, забыл написать, что в Ванкувере свою первую ночь мы провели в русской православной церкви. Затем, удивляя людей своими босыми ногами, мы добрались до пригорода, где живёт мой приятель Игорь Ревенко, который подарил мне старенький Вольво. Машина хоть и тратила столько же антифриза, сколько и солярки из-за прогоревшей прокладки, но очень выручила нас. В Канаде, после подачи заявления на увольнение, положено отработать ещё месяц, поэтому я возил Никиту на работу, а с Вероникой ездили в поисках работы по организациям или искали через Интернет. В госпитале, где раньше работала моя жена, её место, конечно, уже было занято. Но на Рождественские каникулы ей всё же удалось отработать там несколько смен, так что деньги на текущие расходы у нас были. Для себя же я работу не нашёл, так как зимой многие фермеры и строительные организации не работают.

В Интернете я узнал, что на севере провинции «Альберта» требуются водители и подсобные рабочие, а медсёстры в Канаде везде в дефиците. В общем, до конца января я сдал экзамены на профессиональные водительские права, и мы поехали на север. К тому времени мы уже поменяли Вольво на не менее старую Тойоту Королла, да ещё, вдобавок, купили у подруги жены старый микроавтобус, за \$300, чтобы было где спать в дороге и пока не найдём себе жильё. До столицы Альберта – города Эдмонтон мы добрались за два дня. Никита ехал за рулём Тойёты и набирался опыта езды по заснеженной дороге в потоке машин то под моим, то под Вероникиным руководством.

Первая же ночь в Эдмонтоне показала нам, что наши лёгкие спальники, проверенные холодными ночами в Сахаре, не годятся для Севера, поэтому приходилось иногда включать движок и греться. А ведь место, куда мы ехали, было ещё дальше на север, так что ехать туда без твёрдой гарантии, что будет где жить, явно не стоило. Из расспросов людей, приехавших на выходные в столицу, и из бесед с сотрудниками многочисленных бюро по трудоустройству мы поняли: «Да, город „Форт Макс Моррис“ очень нуждается в рабочих руках, но жилья там катастрофически не хватает. Поэтому частники сдают 1-комнатную квартиру за \$1200 в месяц, при этом при въезде надо внести двойную цену на случай, если сломаешь что-то из мебели.»

\$2400 у нас не было, поэтому мы вынуждены были искать те организации, которые предоставляют жильё своим работникам. 1-ый вариант: рабочим предоставляют комнату в так называемом «Кэмпе» – это что-то вроде наших общежитий, но исключительно мужских. Идея такая: хочешь женщину – езжай на выходные за 500 км в столицу и трать свои «длинные дол-

лары» в нелегальных публичных домах или легальных казино. Ну, а загуляешь, желающий занять твоё место в «общаге» сразу же найдётся. 2-ой вариант: Для очень нужного специалиста организация снимает квартиру.

1-й вариант был, конечно, легче, но он нас не устраивал, так как мы не хотели расставаться. Ну а ценным специалистом на данный момент могла быть только моя жена, так как мои права в этой провинции были недействительны. Впрочем, и ей, чтобы работать медсестрой, пришлось заплатить \$350 за регистрацию в этой провинции и ждать 10 дней. Канадская бюрократия не лучше нашей, отличие лишь в том, что нельзя дать взятку, чтобы ускорить процесс. В замене прав я тоже не усмотрел логики, ведь водитель имеет право ездить с правами любой провинции по всем остальным 10 провинциям Канады плюс по 50-ти штатам Америки.

При замене прав я попал в замкнутый круг: их выдавали только при наличии справки о том, что ты имеешь или снимаешь жильё в Эдмонтоне. Но арендатор, по требованию администрации города, мог отдать в аренду своё жильё только человеку, имеющему счёт в банках Альберты. Канадские же банки не открывали счёта лицам, не проживающим на территории провинции. В конце концов, поездив по городу, мы нашли банк, неподчиняющийся этим правилам, а потом нашли квартиру, хозяин которой дал нам справку, что мы якобы снимаем квартиру у него.

Во время поездок по городу (на одной машине, естественно), мы поняли, почему власти столицы столь яро стараются, чтобы вновь прибывшие хоть как-то «засветились» в официальных бумагах. Три раза в день по городу перемещались сотни бомжей, что представляло довольно живописное зрелище из-за разноцветных одеял, в которые они были закутаны. Оказывается, сюда съезжаются бездомные со всей провинции. Это происходило по двум причинам: одни приехали сюда из других городов из-за множества туристов, у которых можно просить милостыню, да и пособие по безработице получить легче. Другие приехали на заработки и даже заработали что-то, но потом запили или сели на наркотики, которые продают здесь на каждом углу. Как бы там ни было, власти города в демократической стране не могут их выслать за 101-й км как в Советском Союзе. Поэтому власти решили эту дилемму так: построили несколько бесплатных ночлежек, которые разделены на несколько категорий: мужская, женская, семейная для малолеток и для пьяных. Все посетители знают, что в нетрезвом виде их пустят только в дом для пьяных, поэтому, если кто-то из них чувствует, что не пройдёт по «одной доске», сразу идет туда. Все эти заведения открыты с 20.00 до 23.00, а затем до 7 утра оттуда никто не может выйти. Также никто не может там остаться на день. При входе посетителю выдают чистое одеяло и бутерброд, и он ложится на продезинфицированный матрас, обтянутый кожаным материалом, которые лежат в ряд на чистом полу. Всю ночь туалет и умывальник к услугам посетителей ночлежки, а утром, хочешь не хочешь, выметайся. Но городские власти конечно же заинтересованы, чтобы все бомжи были чем-то заняты и днём, поэтому предприняли следующее: дали разрешение некоторым церквям на организацию бесплатных обедов, но сделали это с таким расчётом, чтобы идти до них было не менее 1 часа. Вот и мигрируют они, как стада, от пастбища к пастбищу.

Ну, а священники пытаются спасти эти заблудшие души, потчуют их проповедями до того, как подадут пищу для желудков. Хотя, по правде сказать, большинство бомжей – добрые люди и грешат не больше тех, кто устоял перед алкоголем и наркотиками.

Хотя есть такая притча: один мужчина полюбил чужую жену, но она была богобоязненна и не хотела изменять мужу, да и сам этот мужчина не хотел грешить. Дьявол не раз подстрекал его, чтобы он соблазнил её или даже убил её мужа, чтобы она стала свободной. Но мужчина не поддавался. Тогда дьявол предложил ему выпить водки, ведь это не такой большой грех. Мужчина согласился, а потом по пьянке убил мужа и изнасиловал женщину. Скорей всего, это мусульманская притча, так как в христианстве пьянство не считается грехом.

Читатель, наверное, уже догадался, откуда мне известны порядки и условия жизни канадских хомласов. Правильно, мы 10 дней жили и питались с этими людьми, но, в отличие от них, у нас была машина, поэтому у нас оставалось много времени, чтобы решать свои организационные вопросы.

Наше пребывание в Эдмонтоне закончилось неожиданно. Бюро по трудоустройству нашло нам с Вероникой работу, но не на севере, а в центре Альберты, в небольшом городке неподалеку от г. Калгари. В случае согласия организация должна была оплатить наши расходы на бензин. Зарплату предлагали на 30% ниже, чем на севере, но и цены там, естественно, ниже, поэтому мы согласились.

Прощайте, Эдмонтонские бомжи, мы уезжаем на Юг. Правда, температура там не выше, чем на севере, так как Калгари находится на горном плато. Вот мы и в Бруксе, небольшом, но быстро развивающемся городке. Он находится в бескрайней степи, в которой до прихода «белых», перемещались тысячные стада «бафало». Это позволяло немногочисленным индейцам без большого труда питаться мясом, правда, к мясу не было гарнира – солончаковые почвы не позволяли заниматься земледелием.

Конечно, трава-то на них растёт, и здешние быки и коровы сами находят себе пищу на степных просторах. Но что меня удивило, так это отсутствие хлевов. Оказывается, бедные животные пасутся и зимой, и это при здешних 35-градусных морозах. Благо, хоть вечно дующие ветра не позволяют редко идущему снегу покрывать землю более чем 10 см слоем. Чтобы не мёрзнуть, здешние гибридные коровы «Бифало» имеют плотную шерсть и стараются за лето нагулять как можно больше жира. Но ни жир, ни шкура, ни их пугливость не спасают их от ножа мясника. Здесь, в маленьком городе, расположен самый крупный в Канаде мясокомбинат под названием «Берег озера», но его владелец – всемирно известная американская компания «Tyson». Вот на этом «Берегу» ежедневно заканчивают свою жизнь 4000 животных.

На комбинате работает аж 2000 человек, которые работают в две смены, то есть на одного человека приходится по две коровы. Естественно, «руководители» работают не руками, а языком, а вот тем что на конвейере приходится пахать – деньги капиталисты зря не платят, конвейер – это нудный, однообразный труд, к тому же, мясо, кровь, резиновый комбинезон, поверх которого одевается кольчуга весом в 16 кг, покрывающая всё тело, чтобы не порезаться. За ту зарплату, которую платят экономные американцы, граждане Канады работать не хотят. В итоге, все, кроме бригадиров, медперсонала и водителей, наняты из стран 3-го мира (Колумбия, Филиппины, Сомали, Украина и т.п.). Специальные рекрутеры вербуют только тех, кто имеет профессию мясообработчика. Но почти все они, кроме украинцев, не знакомы с современными технологиями, поэтому на конвейере им приходится нелегко и украинцам, которых здесь около 50, часто приходится отдуваться за неумение сослуживцев.

Именно на этот мясокомбинат мы и были приглашены на работу: Я в качестве водителя автобуса, Вероника – медсестрой. Работа водителя известна – возить работников на работу и с работы в посёлок, расположенный в 5 км. А вот о работе моей жены стоит рассказать подробнее: она должна следить за здоровьем работников, которые зачастую не говорят по-английски.

Как рассказывала Вероника, с порезами здесь редко обращаются. Основные травмы — растяжения связок и мышц из-за работы одной только группы мышц, да ещё и на холоде. Поэтому задача медиков не только лечить, но и предотвращать травмы, обучая работников производственной гимнастике. В капиталистическом обществе, естественно, не оплачивают больничные, как в СССР, но на лёгкий труд отправляют, чем и пытаются воспользоваться не очень честные люди.

Веронике, в силу доброго характера, не нравилась эта часть работы – отказывать людям с не очень серьёзными травмами. Но работа есть работа, плюс хорошо оплачиваемая. К тому же, мы собирались пробыть в Канаде только до осени. Моя жена работала неделю

в дневную, затем неделю в ночную смену. Ну, а мой рабочий день, то есть рабочие сутки, были разбиты на 4 части, и поэтому свои 8 часов я должен отрабатывать в течении 24-х часов, что мне не нравилось. Поэтому, когда мне предложили работу водителя в нефтяной компании – я согласился и проработал там до отъезда. Никита тоже нашёл работу – собирать на месте поливные устройства, без которых в здешней местности многочисленным коровам корма не хватает. В общем, мы жили здесь обычной и цивилизованной жизнью: снимали квартиру, работали 6 дней в неделю.

Правда, выходные мы проводили не как обычные канадцы, а уезжали куда-нибудь за город и оставались там на ночёвку. Ездили мы каждый раз в новые места. Иногда прихватывали с собой ребят – украинцев, правда, многие из них так уставали, что предпочитали отдыхать дома за хорошим столом, благо, продукты здесь относительно дешёвые, что не сказать о табачных изделиях и спиртном. Но это даже хорошо, иначе администрации мясокомбината пришлось бы уволить и отправить домой не 5% украинцев, а половину. Чтобы не поддаваться соблазну, некоторые из них ездят в выходные на рыбалку. Конечно, какая же рыбалка без водки, но прижимистый украинец не поедет за добавочной порцией алкоголя за 20 км —слишком дорогое удовольствие. Кроме водки у работников есть и другие соблазны: на предприятии работает много девушек из Южной Америки и Африки. Поэтому украинские жёны, отправив мужей на заработки, по их возвращению могут получить и не очень приятные подарки.

Что касается моей семейной жизни, то у нас было всё нормально – мы дружно жили втроём в маленькой квартирке и присматривали другое жильё для Никиты. Мы-то собирались осенью в очередное путешествие, а Никите надо было ещё годик безвылазно прожить в Канаде, чтобы получить гражданство. Я видел и понимал, что он скучает по маме и сёстрам, но, поехав в Россию, армии ему не избежать. К осени Веронику ждал неприятный сюрприз: её бывший муж, с которым жили две их младшие дочери, окончательно запил и стал гонять их. Поэтому Вероника решила поехать туда, снять для детей квартиру и жить с ними до окончания учебного года. Естественно, она хотела, чтобы я остался с ней, но у меня уже был опыт совместной жизни с канадскими детьми, поэтому я предпочёл уйти в путешествие один.

Транзит через Штаты

Дистанция по USA примерно = 6000km: Blaine – Seattle – Portland – Salt lake city – Denver – Oklahoma city – Dallas – Houston – New Orleans – Houston – Victoria – Laredo.

5 октября 2009 года Вероника привезла меня на границу со Штатами, и я пересёк её с твёрдым намерением в этот раз обязательно добраться до «Огненной земли». Там сейчас весна, значит, у меня два варианта добраться туда: 1-й – долететь до Линий Наско, откуда я в прошлый свой визит повернул на запад, и оттуда идти пешком. Если идти по прямой, это займёт где-то месяцев 8, то есть я приду туда в июне, но это наше северное лето. А в том полушарии все наоборот, значит, надо идти петляя, сначала сходить на восточное побережье, а потом уже на юг. 2-й вариант: попытаться добраться до южного кончика земли до конца февраля – позже там ходить босиком будет некомфортно, а с мыса Горн уходить по территории Чили на север, убегая от зимы. Не будь у меня незаконченных дел и будь со мной моя жена, я выбрал-бы 1-й вариант. Но, как говорится: «Хотел бы попасть в рай, но грехи не пускают». Двину—ка я на перекладных, не забывая при этом, что я пешеход.

Напомню придирчивому читателю, что я очень щепетильно отсортировываю пройденные километры от тех, что я проехал (проплыл, пролетел). Те, которые записаны как пройденные, я действительно протопал. Чтобы не возвращаться больше к этой теме, давайте посчитаем: 24 часа = 8 часов на сон +6 часов на перекусы, отдых, разбивку лагеря +10 часов на ходьбу (по 30—40 км) или 5 +5 (250 км автостопом +25 км пешком). 365 дней – 59 дней выходных, а могут быть ещё непредвиденные остановки, так что будем считать -300 ходовых дней в году. Как вы можете видеть, что любой практически здоровый человек может пройти за год 9000 км. Но я бы посоветовал неподготовленным людям для начала проходить по 15 км в день. Чтобы поддерживать здоровье в порядке, японские врачи советуют любому человеку проходить по 7 км в день (или 11 тысяч шагов), что многие из япошек и делают, паркуя свои автомобили, не доходя до работы 3,5 км. Хороший пример – и для здоровья полезно, и экономия бензина. Что касается моих походов, то я хожу не для здоровья. С одной стороны, конечно, активный образ жизни, режим, натуральное питание, но с другой: переохлаждение в горах, обезвоживание в пустынях, многочисленные паразиты в воде и пище, и т. д. К примеру, 3 раза перенесённая на ногах малярия не очень-то добавила мне здоровья.

Кстати, когда писал эти строки, на глаза попала старая статейка о клонах, в связи с чем я подумал: вот бы сейчас встретиться с парочкой своих клонов, созданных при моём рождении и поставленных в определённые условия. Один, к примеру, всю жизнь профессионально занимался спортом, и для достижения результатов принимал при этом все дозволенные допинги. Второй, напротив, всю жизнь «плевал бы в потолок», за ним наблюдали бы врачи, чтобы не уставал, не переедал, выполнял физические упражнения – в общем, всё, чтобы продлить здоровье и жизнь. Хотя 2-х мало, для чистоты эксперимента надо бы еще парочку: ещё один, пусть бы, «прыгал» на всём, что движется, а второй, напротив, сэкономил бы сперму, как источник жизненной энергии. Но, кроме состояния их физического здоровья, я бы хотел поговорить с ними об общечеловеческих ценностях, чтобы узнать, повлиял ли различный образ жизни на заложенную ещё до рождения мораль. В любом случае, я не хотел бы оказаться на месте ни одного из них, как и не хотел бы вернуться в прошлое, чтобы изменить свою жизнь, так как всегда занимался тем, что мне нравилось, хотя, у меня, как и у всех, были моменты, когда я стоял на перепутье. Я верю, что любой человек может идти по жизни правильным путём. Надо лишь быть достаточно сильным в том, чтобы противостоять соблазнам и уловкам правителей. А то завтра нам скажут: «А чем хуже клоны механизмов и строений, они ведь не Богом созданы», и все дружно поднимут руки. Ну, ладно, хватит, а то я перепрыгнул с математики

на фантастику, а потом на философию. В моих путевых заметках это встречается, так как знакомство с иными мировоззрениями наталкивает на размышления. Итак, вперёд, знакомиться с новыми странами, пока цивилизация не сделала всех одинаковыми и безликими, то есть, по существу, клонами.

Осень в Штатах Вашингтон и Оригон – отнюдь не «прекрасная пора». Нудный холодный дождь неприятен что пешеходу, что автостопщику. Утешает только, что по пути живут знакомые, к которым можно заехать и отогреться в саунах: Николай – художник в г. «Everett», Олег – баптист в г. «Portland». В Портленде знакомые ребята посадили меня на грузовик, который ехал аж в Техас, так что штаты я проскочил быстро. В Хьюстоне я встретил старого знакомого – Сергея, который гостеприимно предоставил мне кров и пищу. Спасибо ему огромное за это! Он живет в штатах уже 11 лет, снимая квартиру в недорогих апартаментах и зарабатывая тем, что развозит пищу. На его примере можно видеть, что капиталистическое общество весьма терпимо относится к людям, оставшимся здесь нелегально. Туристическая виза Сергея давно закончилась, и он до сих пор не имеет вида на жительство, но имеет работу и исправно платит налоги, поэтому, таких как он, не выдворяют из страны.

Самый быстрый и дешевый путь отсюда на юг – улететь из Майями в Каракас, а дальше автостопом, но, как назло, консульство Венесуэлы в Хьюстоне временно закрыто. В принципе, это не такая большая проблема – консульства есть и в Нью-Орлеане, и в Майями, но если там откажут, то придется возвращаться в Хьюстон, чтобы автостопом доехать до Мехико, а уже оттуда лететь в Эквадор, но это потеря времени и денег. Я знал, что по правилам венесуэльцы дают визы только лицам по месту проживания, но в прошлый раз они сделали для нас исключение, возможно, мне повезет и в этот раз. Чтобы увеличить шансы, я зашел в Российское консульство в Хьюстоне, и соотечественники любезно написали для меня письмо поддержки – спасибо, ребята! В штате Луизиана в этот раз не было наводнения, поэтому я добрался до столицы штата за полтора суток.

Попутка высадила меня в центре, правда, была почти полночь, поэтому я не стал долго искать место для ночлега, а последовал примеру парочки бездомных, которые вошли на загороженную территорию торгового центра, переступив через цепь в воротах, на которой болталась табличка: «не входить». При этом я видел, что один из них снял табличку и выкинул ее в кусты. Он знал, что делает – на утро я был разбужен двумя вооруженными охранниками, которые, без лишних слов, защелкнули на мне наручники. Зря они это сделали. Я имею в виду, что им пришлось тащить мой рюкзак, пенку и спальник. В офисе они проверили мои документы и сказали, что сдадут меня полиции за незаконный вход на их территорию. Я сказал: «ОК, зовите полицейских». Полицейские подъехали через 10 минут, и я объяснил им, что приехал автостопом поздно ночью, лил дождь, я устал и не стал искать гостиницу, а зашел под навес и уснул. Также я сказал, что нахожу действия охраны грубыми, поскольку я ничего не нарушал. Полицейские попросили меня показать место, где я «проник» на территорию, а поскольку там не было никакой надписи, то им пришлось, извинившись, отпустить меня, и, надеюсь, охране еще попало за «ложный вызов». Так им и надо – умнее будут, и не будут спать на работе. А бездомным спасибо.

Венесуэльские консульские работники встретили меня приветливо, но сказали, что сами не могут принять решение, и позвонили в свое посольство в Нью-Йорке. Начальство запретило им идти на исключения, потому что это сами американцы установили такие дурацкие правила, по которым обращаться за визой могут только в то консульство, к которому их штат прикреплен. К примеру, в Нью-Орлеанское консульство могли обращаться только жители пяти штатов. Что ж, как ни жаль, но надо возвращаться в Хьюстон.

Когда я вышел на дорогу, ведущую на запад, было уже темно и довольно холодно. Поэтому я не пошел по своему обыкновению по дороге, а заговорил с водителями на заправке. Заправщик, узнав, что я из России, сказал, что на соседней заправке работает русский парень,

и я пошел туда. «Русский парень» оказался молодым приветливым узбеком, который предложил мне дожидаться конца его смены и поехать ночевать к нему. Конечно, я согласился, и в двенадцать часов ночи мы были уже у него, в комнате, которую он снимал с тремя своими друзьями-земляками. Они встретили меня очень радушно – накормили узбекской пищей, которую сами приготовили, а на утро проводили на остановку, и посадили на автобус, идущий в пригород, откуда я мог легче уехать. Один из ребят – Шухран – даже сунул мне в карман немного денег. Я очень рад этой встрече, и конечно не потому, что переночевал в тепле, гораздо важнее ощущение тепла душевного! Смотрите, наши страны уже столько лет разделены границами, и наши правительства имеют друг к другу взаимные претензии, но я знал, что простые люди, выросшие в «союзные времена», до сих пор относятся к выходцам из «братских республик» нормально, но вот, что поколение, выросшее уже в перестроечные времена, не питает к нам враждебных чувств – для меня это приятный сюрприз. Удачи вам, ребята!

До Хьюстона я добрался поздно вечером, но поскольку водитель, который меня подвозил, ехал на южную его окраину, то я не стал беспокоить Сергея, а переночевал на трак-стоппе. С утра я отправился в городок Виктория, и к вечеру был дома у своих хороших знакомых – Джак и Ирины, которые уже знали, что я в Техасе и приглашали заезжать в любое время. Америка, впрочем, как и Европа – это вам не Россия, где можно приехать без предупреждения, и даже русские, переехавшие сюда, быстро привыкают к местным порядкам. Приглашать-то они приглашали, но изрядно удивились, когда вернувшись поздно вечером из поездки, обнаружили у себя в гараже спящего человека. А что мне оставалось делать – поцеловать замок и уйти? Конечно же, когда я обнаружил, что дверь можно слегка приподнять и проползти под нее, я так и сделал. Я знал, что Джак, а тем более Ирина не воспримут это как основная масса американцев, не привыкших к тому, что гость может прийти без предупреждения.

Русские, переехавшие в штаты, быстро привыкают к регламентированным визитерам. Конечно, это удобно, но как-то не по-русски: «Ваня, могу я к тебе сегодня в гости заехать?» «Нет, извини, я занят», или «ОК, приезжай к 19:00, у меня найдется для тебя 45 минут». И это еще не значит, что визитер посидит у «Вани» дома, скорее всего, они пойдут в соседнее кафе, и после встречи каждый заплатит за свое кофе, и на прощание не забудут сказать: «Рад был тебя видеть, всегда к твоим услугам». Я не в первый раз в гостях у этой гостеприимной семьи, и рад, что не все переехавшие из России становятся типичными американцами, так же, как и не все американцы причесаны под одну гребенку. Пару дней я провел в гостях, приводя в порядок снаряжение и документы, в том числе купил через интернет дешевый авиабилет: Мехико – Кито.

Джак и Ирина собрали мне в дорогу продуктов и вывезли за город, по пути показав памятник погибшим нелегалам: эта трагедия произошла лет 5 назад: выходцы из центрально-американских стран, желающие попасть в штаты на заработки, с согласия водителя, забрались в контейнер и их заложили продуктами, чтобы не обнаружили, когда откроют дверь, при проверке на границе. Границу они пересекли нормально, но водитель, боясь быть пойманным пограничным патрулем, провез их еще пару сотен км. Естественно, по дороге 50 человек, сидящих в накаленном солнцем контейнере, стали задыхаться и стучать, но водитель не слышал, а когда открыл дверь в безлюдном месте, не доезжая города Виктория, оставшиеся в живых люди попадали из контейнера, и, как чумные, разбежались в разные стороны. Их, естественно, поймали, но затем из сострадания к их горю дали всем разрешение на работу. А жалеть было за что: по меньшей мере, половина из забравшихся в контейнер умерли, в том числе и 5-ти летний ребенок.

Я, кстати, тоже два раза нелегально пересекал мексиканскую границу, но не таким опасным способом. В этот раз я рассчитываю попасть в Мексику легально, так как срок на получение визы резко уменьшился. Теперь на ее получение вместо одного месяца требуется всего один день. Визу я рассчитывал получить в консульстве в приграничном городе, но там меня

ожидал неприятный сюрприз: оно было закрыто, плюс на дверях висело объявление о том, что оно будет закрыто следующие три дня, по поводу какого-то мексиканского праздника. Теперь я оказался перед выбором: ждать три дня, или поехать на «чек-поинт» который находится в 20 км, на границе буферной зоны, и попросить офицера поставить мне штамп о въезде без визы. Сами знаете: «ждать и догонять...»

Транзит через Мексику

Дистанция по Мексике примерно = 1800km: Nuevo Laredo – Monterrey – Matehuala – Rioverde – Orizatlan – Roza Rica – Veracruz – Mexico City.

Конечно, я поймал попутку и поехал, но на проверочном пункте машину даже не остановили. Что мне было делать? Просить остановить и пойти договариваться? В худшем случае, меня развернули бы обратно, в лучшем – я потерял бы попутку, идущую в нужном мне направлении аж на 400 км. Молодая женщина, водитель, говорила по-английски, и мы обменялись визитками, поэтому я решил, что позже, при случайной проверке или на выходе из страны она сможет подтвердить, что я выехал в положенном месте, а не проник нелегально. Хотя, конечно, тут на кого попадешь, особенно в столице, где полицейские и эмиграционники особенно коррумпированные и разбалованы боязливými туристами. Там они точно воспользуются тем, что я не захочу терять билет, и начнут меня доить.

До отлета у меня был запас пару дней, поэтому я решил сделать небольшой крюк и заехал в город «Veracruz». В порту всегда есть эмиграционники, и они оказались настолько доброжелательными, что поставили мне штамп о въезде всего за полцены, которую я бы заплатил при получении визы. Отлично, теперь я легально «въехал» в Мексику морем и могу спокойно улетать.

В столицу я прибыл за день до отлета, поэтому от скуки зашел в Российское посольство, где, не вдаваясь в детали, сказал, что случайно проскочил границу, но вернулся и поставил штамп. Я также спросил, что они думают, что бы произошло, если бы я попробовал улететь без штампа? Они ответили, что тут и думать не надо – не далее, чем вчера они ездили по вызову эмиграционных властей в аэропорт. Один российский гражданин подобным образом въехал в страну, но его не хотели выпускать, пока он не заплатит за визу. Он отказался, сославшись на отсутствие денег. В результате самолёт улетел без него, а ему в присутствии наших консульских работников поставили штамп о депортации и отправили следующим рейсом. В результате, он сэкономил деньги на визу, но получил чёрную метку в паспорт, плюс опоздал на пересадку, что чревато, по меньшей мере, головной болью. Но мне, слава Богу, ничего подобного не грозило, спокойно переночевав в аэропорту, я благополучно улетел в безвизовую страну Эквадор.

Эквадор

Дистанция по Эквадору примерно = 800km: Quito – Machachi – Ambato – Guano – Azogues —Cuenca – Machala – Arenillas – Huaguillas.

Кито встретил меня проливным дождём и температурой в +15, вот тебе и экватор. Но для меня это не сюрприз, я здесь не впервые, а вот для москвички Людмилы, которая напросилась мне в попутчицы и прилетела через пару дней, к погоде были претензии. К сожалению, вскоре выяснилось, что она относится к категории людей, у которых претензии ко всему окружающему. Правда, пока мы не вышли на маршрут, она старалась не высказывать претензии мне, но я видел, что она с трудом сдерживается, и понял, что больше месяца наше совместное путешествие не продлится. Так оно и случилось: не успели мы встать на маршрут, сразу началось – «А почему мой рюкзак такой тяжёлый, ты мужчина, поэтому сам должен тащить лагерное снаряжение, а я буду нести только свои кремы, шампуни и многочисленные шмотки. А почему мы идём пешком, давай сидеть здесь, пока машина не подберёт! А почему мы должны питаться только на 1\$ в день? А давай будем ночевать в хостелах, а не на опасных улицах, и т. д. «А я ведь во время переписки предупреждал ее, что в походе есть определенные правила, и полностью описал условия походного быта. Поэтому я не стал подстраиваться под неё, иначе бы путешествие превратилось бы в туристическую поездку.

Да, лучших спутников, чем мой сын и моя последняя жена, у меня пока ещё не было. Хотя нет, к этому списку смело можно добавить мою предыдущую жену. Она тоже была отличной спутницей в моих походах по Советскому Союзу, также мои студенты-самбисты, которых я всегда таскал в походы. Хотя, порой, и они доставляли мне хлопоты, но было приятно наблюдать, походы формируют их характер. Каждый раз, когда я вспоминаю своих учеников, мне хочется вернуться к туристической работе, но один Бог знает, произойдёт ли это когда-нибудь.

В Кито мы подали документы на визу в Аргентинское посольство, но когда пришли получать, то оказалось, что девушка, которая их принимала, не взяла у нас всю нужную информацию, и теперь надо было ждать ещё больше недели, так как наступили рождественские (католические) каникулы. В общем, мы забрали документы и двинулись дальше, так как впереди было безвизовое Перу, затем Боливия, визу которой можно было получить прямо на границе. Чтобы не идти на юг по уже знакомым местам, я наметил маршрут по горной дороге, идущей аж до границы Перу. По ней, правда, шло меньше транспорта, но зато не жарко. Правда, по ночам пришлось помёрзнуть, но зато я увидел, как живут люди в горных селениях Эквадора.

Живут в них в основном индейцы племени «Кечео», они непритязательны, дружелюбны и трудолюбивы. Мы не раз ночевали в их небогатых домах. Основные их занятия —животноводство и земледелие. У них свой язык, а некоторые из них даже вовсе не говорят по-испански. Женщин всегда можно узнать по традиционной одежде, очень симпатичной, но и без этого их можно отличить по типу лица, кроме того, все они низкорослы. Индейцы соблюдают свои обычаи и традиции и никогда не вступают в брак с белыми. Хотя неприязнь или вражду между двумя этими расами в Эквадоре я не заметил.

Белое население в крупных городах живёт (вернее, старается жить) по европейским стандартам, и страна, в общем, живёт богаче, чем их соседи: Колумбия, Перу и Боливия; в основном, благодаря «своей» твёрдой валюте – американскому доллару. За три года, что прошли с моего прошлого визита, здесь мало что изменилось, разве что наметилась тенденция стремления молодёжи к изучению английского языка.

Последний, относительно крупный город на горном участке нашего маршрута – «Сиепса», расположенный на высоте примерно 3000 метров. Это чистый, приятный, ухоженный город. Он привлекает туристов обилием красивых старинных зданий, среди которых много

церквей. Правда, погода здесь меняется так же часто, как и в Кито, но это все же лучше, чем постоянная жара, как в городе «Machala», в который мы спустились через несколько дней. Мнѐто, опять же, не привыкать, но мою спутницу жара совсем «размочалила» и, когда мы подошли к перуанской границе в городке Huaguillas, Людмила стала спрашивать туристов, есть ли здесь аэропорт. Но аэропорта не оказалось, и, пока мы стояли в довольно длинной очереди на переходном пункте, жара спала, и она решила продолжить «нелегкий» путь.

Перу

Дистанция по Перу примерно = 2500km: Aguas Verdes – Tumbes – Piura – Cartagena — Chimbote – Lima – Ica – Nacka – Mollendo – Arequipa – Juliaca – Puno – Yunguyo.

Ближе к морю свежий ветер позволял легче переносить жару, так что до линии Наско мы добрались в относительно комфортных погодных условиях и встретили Новый год на пустынном тихоокеанском побережье. Затем дорога стала карабкаться вверх к озеру Титикака. За это время ничего особо примечательного с нами не произошло, а поскольку я уже описывал этот участок в главах о предыдущих путешествиях, то не буду утруждать читателя повтором. Разве что стоит описать индейский праздник, который я снял на видео в городе Хуяко.

Этот фестиваль проходит здесь раз в четыре года, поэтому нам повезло, что мы оказались здесь именно в этот день. Коренные жители здесь те же индейцы, что и в Эквадоре, только называют их не «Кечео», а «Кечуа», так вот, в этот день все они надевают праздничную одежду и образуют праздничную процессию. Они разделены на группы, в которых цвет очень красивых, атласных, женских платьев отличается, а вот все мужчины облачены в европейские костюмы. Впереди каждой группы идут музыканты, а все остальные идут, напевая и пританцовывая в такт незамысловатой, но заводящей мелодии. Шествие идёт по дороге, а все тротуары забиты зрителями, по-видимому, как местных, так и приехавших с окрестных селений.

Ближе к озеру Титикака нас пригласили на ужин в маленький, опрятный домик небольшого городка, а после того, как я наколот им дров, хозяйка предложила нам заночевать. На утро две сестрёнки-подростки сводили меня на соседний холм, сказав, что там есть что-то интересное. Мне, как и им, тоже показалось интересным горизонтальное круглое отверстие в одном из древних валунов. Размеры отверстия составляли 15 сантиметров в диаметре и полметра в глубину, поверхность была идеально ровной. Мне, в отличие от них, было понятно, что отверстие могло быть сделано трубчатым сверлом, которое могло существовать и в давние времена, но вот гранит может просверлить далеко не любой материал, так что неувязочка с официально признанной историей человечества получается.

Ещё одно подтверждение существования в древности высокоразвитой цивилизации я получил, когда добрался до озера Титикака. На одном из холмов высились круглые сооружения, по виду напоминающие водонапорные башни. Когда я, запыхавшись (озеро Титикака расположено на высоте 4000 метров), поднялся к ним, то увидел, что башни построены без раствора, из каменных блоков, размером примерно 150см/100см/80см – представляете, сколько они весят?! А их ведь надо было поднять на десятиметровую высоту, а перед этим выпилить и притащить из каменоломен. Я знаю, что противники теории о внеземных цивилизациях проводили опыты и доказали, что сотни людей без техники, в принципе, могли построить пирамиды. Согласен: из-под плётки, за десятки лет, в угоду фараону, но это если бы не было других, более лёгких вариантов: к примеру, уменьшение гравитации; да их десятки этих версий.

Стоя на верху «водонапорной башни», я позволил себе создать ещё одну теорию: в те далёкие времена ассоциация великанов планеты Земля (тех, что описаны в Библии и других древних книгах), проводили соревнования по поднятию тяжестей: великаны, играючи, ломали деревья, швырялись глыбами и строили пирамиды наперегонки и т. д. Но это всё внизу, на уровне моря. Но однажды, главный судья, который из демократических соображений был выбран из обычных людей, решил провести следующее мероприятие в экстремальных условиях на высокогорном плато. Вот и пришлось попотеть великанам, а поскольку у них был принцип: «Умираю, но не сдаюсь», то они все там и полегли – не стало больше великанов, а башни так и остались недостроенными. Из этой фантастической истории читатель может сделать как минимум два вывода: первый – прежде, чем подыматься в горы, надо проходить акклимати-

зацию, второй – любой может создать свою собственную теорию, но это не значит, что она соответствует истине, надо жить своим умом.

К сожалению, множество людей, прочитав лишь одну теорию, автоматически принимает её за истину, даже не удосужиться ознакомиться, как минимум, ещё с одной, чтобы усомниться или, наоборот, убедиться в правдоподобности первой. Такими людьми очень легко управлять правительству, ведь они, как зашоренные кони, идут туда, куда надо пастуху. Но вопрос – кому это надо? Люди, сбросьте шоры, или, по крайней мере, не позволяйте, чтобы их одели на ваших детей! Ведь вы не хотите, чтобы и они всю жизнь гнались за материальными ценностями, ведь это всего лишь морковка, привязанная перед осликом, который всю жизнь работает на других. Ослики, остановитесь, посмотрите на звёздное небо, сходите в театр, музей, почитайте стихи, задумайтесь о смысле жизни!!! Так я думал, лёжа под открытым небом, глядя на звёзды, на пляшущие языки огня в костре, и мне было легко и грустно. Легко оттого, что я давным-давно избавился от шор, а грустно от осознания того, что от силы только 1% из тех, кто прочтёт эти строки, попытаются что-то изменить в своей жизни. Большинство из нас не изменятся, как не изменились те, кто уже прочел наставления всемирно известных философов и даже дали себе слово измениться. Слаб человек – сильны соблазны.

Холодный утренний ветер выдул из моей головы остатки философских рассуждений – опять дорога, полная новых впечатлений и встреч с простыми, открытыми, не испорченными цивилизацией людьми, от которых тебе ничего не надо. Они не ждут от тебя ни подачек, ни подвоха, и, несмотря на свою бедность, в случае необходимости всегда предоставят кров и пищу.

Сельские жители часто живут в хуторах, земли много, чего тесниться, но и ветров здесь тоже много, поэтому обычно хутор выглядит следующим образом: из собранных на обрабатываемом участке земли камней строится забор высотой метра полтора, который одновременно является и стеной для четырёх жилых помещений, расположенных по периметру огороженного квадрата, со сторонами от 25 до 50 метров. Огороженная территория имеет два входа: один – парадный, с обязательной аркой, украшенной керамическими статуэтками коров, второй – для выхода на огород и к скоту. В заднем имеется калитка, чтобы скот не заходил на чистую территорию, а вот парадный вход ворот не имеет. Двери в жилых помещениях естественно есть, но замков на них я ни разу не видел: видно, воров здесь не боятся. Воровать, правда, особенно нечего, хотя телевизор есть практически у всех, кто имеет электричество. На «хуторе» обычно живёт одна большая семья, которая кормится с огорода и продажи мяса скота и птиц. В еде они, естественно, недостатка не имеют, но пища не очень разнообразна. Мясо едят каждый день, так же, как и картофель, правда, большую часть года это «чуня» – картофель, засушенный способом вымораживания, который я уже описывал.

Ну, вот пришла пора прощаться с этой красивой страной, в которой живут простые, добрые и приветливые люди. Скоро граница – надо позаботиться о визах в Боливию. Их мы получили в городе Пуно, кстати, для россиян виза бесплатна. Вот и приграничный городок Yunguyo. Здесь, на его окраине, имеется небольшой переходной пункт Kasani, где границу можно переходить по нескольку раз в день в обоих направлениях, и никто не спросит у вас паспорт. Турист должен сам побеспокоиться о выездном и въездном штампе, чтобы не иметь проблем в дальнейшем.

Боливия

Дистанция по Боливии примерно = 1000km: Kasani – Copacabana — La Paz – Patacamaya – Oruro – Challapata – Uyuni – Tupiza – Villazon.

Здравствуй, Боливия! Надеюсь, я не буду теперь мёрзнуть здесь по ночам, как три года назад, ведь на этот раз я прибыл летом. Поменяв перуанские «соли» на боливийские, мы пообедали и отправились дальше. Название местной валюты – «Соль», что в переводе означает «солнце». А что, мне название нравится, по крайней мере, намного лучше, чем доллар, рубль или другие названия: монеты круглые и блестящие, и так же, как и солнце, необходимы людям в современном мире. И что мне нравится в потомках инков – они хоть и молились Богу Солнца, но я не заметил, чтобы они сейчас преклонялись перед деньгами, как большинство людей в развитых странах. Может, поэтому эти страны и не «развиты»? Ведь именно чрезмерная любовь к деньгам рождает зависть, а зависть, в свою очередь, увеличивает любовь к деньгам и вещизм, которые являются «топливом» для двигателя прогресса.

Нет, я не против перемен, но в какую сторону? Я верю, читатель, если Вы приедете сюда (не в столицу), поглядите людям в глаза, послушаете их музыку, тоже увидите это. Большинство этих людей относится к созерцателям, и я по-хорошему завидую им, так как, по натуре своей, как и большинство современных людей на планете, я отношусь к созидателям. А чего собственно созидать? Всё необходимое создано ещё при сотворении мира. Нет, люди суетятся, создавая всё больше и больше материальных благ, мало заботясь о сохранении ресурсов планеты для потомков, и в погоне за материальным, забывают о сохранении чистоты своей души. Созидатели конечно тоже нужны, но одно дело создавать стихи, и другое – атомную бомбу. Но так уж повелось с незапамятных времён, что физики ценились больше, чем лирики. А не сделай люди эту ошибку, глядишь, сейчас мы не на самолётах-бы летали, а перемещались в пространстве при помощи энергии мысли.

Ну да ладно, хватит философствовать, что-то не получается у меня переместиться в столицу с помощью мысли, придётся топтать ножками, или пользоваться изобретениями цивилизации, съедаящими природные ресурсы. Четыре часа пешком, затем столько же на грузовике, и вот в 12 часов ночи мы на окраине Лапаза. Да, летом здесь потеплее, ниже +10 температура по ночам не опускается и, благо, ветер хоть и сильный, но воздух сухой. Я уже бывал здесь, ну а моя спутница особого интереса к визиту в центр города не проявила, потому что слышала, что там опасно. Мы позавтракали супом из требухи ламы и отправились в сторону границы Бразилии. Переходных пунктов там несколько, но я выбрал дорогу, вблизи которой находилась «Лаго солярис» – достопримечательность Боливии, которую я не посетил в свой прошлый визит.

Выйдя за черту города, мы прошли ещё около часа, когда возле нас остановилась машина, хотя мы даже не голосовали. К своему удивлению, я узнал в вышедшем из кабины водителе, молдаванина Юру, у которого мы с Никитой и Вероникой были в гостях в 2005 году, когда в Лапазе проходила бескровная революция. Он узнал меня по босым ногам, и, конечно, сразу же остановился. Мы проехали с ним километров 150, правда, я сидел в кузове его пикапа, посадив в кабину свою спутницу, поэтому мы поговорили лишь за обедом, которым он нас угостил в забегаловке на перекрёстке. Здесь его уже ждал камаз с названием фирмы «Байкал». Юра, оказывается, за это время приобрёл технику и теперь строит дороги. Удачи тебе в бизнесе! У многих выходцев из СССР это лучше получается за границей, а не у себя на родине.

Идём дальше под палящим солнцем, по безлюдным равнинам, а вокруг манящие горные вершины. Красота!!! Вот только моей спутнице природа всё никак не угодит. То ветер не в ту сторону дует, то солнце не с той стороны светит. Жаль мне её – не умеет человек радоваться

жизни. Машины здесь ездят редко, но к вечеру нас подобрал ещё один пикап, с которым нам было по пути километров двести. Было уже темно, и он предложил нам заночевать у него дома, правда, нужно было проехать лишних 25 км в сторону по просёлочной дороге. Я, было, отказался – лучше переночевать в палатке, рядом с дорогой, чем поспав в тепле и поев домашней пищи, затем возвращаться обратно. Это может занять целый день. Но хозяин настаивал, и когда я узнал, что он живёт в шахтёрском городке, согласился.

По прибытии домой, хозяин познакомил нас с семьёй, а наутро я увидел, как живут шахтёры Боливии. В шахте добывают цинк – работа опасная, но платят по боливийским меркам хорошо. Шахтеры живут в «инкубаторных» домиках на два хозяина, у них есть вся необходимая бытовая техника, а у некоторых даже имеются личные автомобили. Правда, заняться в посёлке кроме работы нечем, поэтому хозяин долго меня уговаривал, чтобы я остался там работать тренером в пустующем спортзале. Но меня удивил не уровень жизни, а ужасное состояние дороги, по которой медленно плелись груженные рудой грузовики. Ведь если её привести в порядок, то рентабельность шахты резко повысится. Но боливийцы, включая правительство, живут только сегодняшним днём. Хотя оно и к лучшему: запасов руды на долгие хватит.

Заботиться о возвращении на дорогу нам не пришлось, была суббота и семья всё равно собиралась выехать в ближайший город, так что к обеду мы опять были на основной дороге. Правда, и на ней асфальт скоро закончился, и редкие автомобили ехали то слева, то справа от насыпи строящейся дороги. В конце концов, возле нас остановился попутный самосвал, и мы, забравшись на щебень, в кузове, проехали 20 км. Всё, дальше дороги нет, только колеи: водитель выбирал любую, не задумываясь, здесь не заблудишься – колеи как сварливые супруги: то расходятся, то сходятся, то опять разбегаются. Самосвал выгрузил нас вместе со щебенкой, и мы опять пошли дальше пешком. На подходе к одному из редких посёлков нас подобрала дряхлая легковушка, но на въезде водитель въехал в лужу и застрял. Поэтому мне, как босоному, пришлось вылезти и толкать машину, хотя от меня было бы больше проку за рулём – молодой водитель, похоже, не имел никакого опыта в буксовании.

Правда, оно оказалось к лучшему: иначе возле нас бы не остановился проезжающий джип. Его водитель, правда, остановился не для того, чтобы помочь нам, а для того, чтобы спросить дорогу. Из джипа вышла молодая пара иностранцев, которые не знали, правильно ли они едут на «Lado de Solaris». По-испански, кроме этих слов, они ничего не знали, так же, как и на английском, поэтому я предложил им говорить на их родном языке, которым, как я и предположил, оказался русский.

Ребята оказались москвичами, правда, по национальности они татары. Они только вчера прилетели в Лапаз и взяли машину напрокат для того, чтобы за короткое время успеть увидеть максимум. Похоже было, что они уже раскаялись в этом, так как тряская, к тому же неизвестно куда ведущая дорога, заставляла их сильно нервничать. Оказывается, что между картографией России и Боливии существует существенная разница. В России обычно дорога уже есть, но её ещё нет на картах, а здесь наоборот – дорогу только начали строить, но на карты уже нанесли.

У меня с собой был GPS, и ребята, сравнив координаты, нашего местонахождения с координатами на карте, увидели, что мы на нужной дороге. Это очень успокоило их, ну а я и без прибора знал, что двигаюсь правильно, так как постоянно следую правилу «Язык до Киева доведёт». Мы ещё долго ехали в темноте по дорогам, больше похожим на стиральную доску. Ребята расспрашивали меня о Боливии, а вот мою спутницу, похоже, интересовало другое. Она спросила, согласны ли ребята на обратном пути взять её с собой и довезти до аэропорта, и те согласились.

По приезду в место назначения они спросили, где нас высадить, и я сказал, что мы выйдем, когда увидим подходящее место для ночлега. У них была такая же задача, и вскоре они остановились у отеля за 20\$. Для Боливии это дорого, но это туристическое место. Нам это

не подходило, и я скоро нашел место для палатки рядом с церковью. Моей спутнице оно, как всегда, показалось неудачным, и вообще, она устала и решила вернуться.

Мы перебрали имущество, и она пошла ночевать в тот отель, где остановились ребята. Что же, «баба с воза...» Правда, через неделю она прислала мне сообщения из Москвы, что это была ее слабость, но я виноват в том, что не удержал ее. Что же, пусть будет так, некоторым людям просто необходимо чувствовать, что кто-то виноват в том, что с ними происходит.

Что ж, рано или поздно это должно было случиться. Дело в том, что между нами была радикальная разница. Она, разумеется, хотела увидеть новые страны, иначе бы не прилетела и выбрала мою компанию, так как слышала, что со мной путешествовать намного дешевле. Но если бы у нее было больше средств, то она, разумеется, путешествовала бы с комфортом. Вот это ощущение, что желаемое не совпадает с действительным, и не давало ей получить радость от путешествия. Я же, ничуть не лицемеря, заявляю всем, что, если бы сейчас у меня были миллионы, я бы не променял свой палаточный на уют и комфорт отелей и ничегонеделание. Все. Я вздохнул с облегчением, несмотря на то, что мой рюкзак теперь стал немного тяжелее. Ведь все это время я чувствовал, что «Госпожа Удача» и «Его Величество Случай» меньше благоволят ко мне чем обычно. Верите или нет, но негативная энергия Вас или Вашего окружения отпугивает их, я лично в этом убедился не раз.

Когда я собрался ставить палатку возле ограды церкви, ко мне подошел водитель такси и предложил переночевать у него в машине, которую он оставляет под забором дома, где живет у родственников, я, естественно, согласился. Переночевав, я пошел в сторону соляного озера {лаго солярис}. Лаго-озеро сол-соль (не путать с соль-солнце). Оказывается, ночью мы проехали мимо него, и теперь мне надо возвращаться аж 24 км. Вот почему я не люблю ночь: не будь я сонный, то, конечно же, вышел и заночевал бы в деревеньке неподалеку. Все туристы обычно останавливаются в ничем не примечательном городе, так как в ближайшей деревеньке отелей не имеется.

Я вышел рано утром, и первые два часа в нужном направлении не проехала ни одна живая душа. Но первый же автомобиль остановился и довез меня аж до берега озера. Прodelав лишних 5 км. Мы сфотографировались с водителем на фоне озерной глади, которую легко можно принять за заснеженный лед. За озером виднелась гора, а вдалеке на его поверхности виднелось какое-то строение. Водитель сказал, что это отель, но до него км 10—15.

Значит топать мне до него часа три, что по холодку довольно легко, если не учесть, что надо идти по щиколотку в соленой-пресоленой воде. Ну, африканские-азиатские грибки, берегитесь! Я разулся (шутка) и шагнул в воду. Она оказалась холоднее, чем я думал, но терпимо. Впрочем, температура мало беспокоила меня. Моя кожа уже перенесла жару песка пустынь и холод снежных перевалов, но вот идти несколько часов по соли еще не приходилось.

После получасовой ходьбы попутный грузовик предоставил мне отдых. Правда, всего на 15 минут. Он доехал до виднеющихся вдали холмиков соли, и водитель с грузчиком начали грузить ее в кузов. К их удивлению, я взял запасную лопату и поработал с ними минут 15. Работа, я вам скажу, не из легких — дышать тяжело. Отчасти это связано с высокогорьем, но и пары соли, видно, мешают. Не зря ребята похожи на «ниндзя» из-за черных шерстяных масок с отверстиями для глаз. Загрузив уже готовые кучки, они приготовили новые, сгребая лопатами мелко кристаллическую соль, которая многометровым слоем лежала на дне озера. Они уехали, а когда вернутся, часть воды уже сбежит вниз, сделав их труд чуть полегче.

Я потопал дальше, и через часик меня слева и справа стали обгонять джипы, наполненные туристами, которые что-то восхищенно кричали и фотографировали меня. Понятно, в туристических проспектах ведь не написано, что на озере можно увидеть босоногого пешехода. Все они ехали к отелю, чтобы сфотографироваться на его фоне и ехать дальше к видневшимся вдали горам, где местами дно покрыто не белой, а розовой или голубой солью — но это уже

не пищевая соль. Туристам на это наплевать, вернее, написать. Туалетов-то нет. Зато можно сделать это в знаменитое соляное озеро.

К обеду я до топал до отеля, где как раз разгружали машину с продуктами. Для разминки я помог разгрузить машину, и грузчики в благодарность угостили меня обедом. Обедали мы за столами из соли. Кстати, очень удобно – солонки не нужны. Если недосол, то можно просто лизнуть столешницу или откусить кусочек от соляной же скамейки. Также в зале было несколько соляных скульптур. Гости в номерах спали на соляных кроватях.

Этот отель был построен лет 90 назад и его строители, наверное, не ожидали, что он будет пользоваться такой популярностью, иначе сделали бы его в два-три раза больше. Почему не построить еще один – не знаю. Возможно, из-за экологии – здесь нет новых технологий и фекалии собирают в 200-литровые бочки, которые потом увозят за пределы озера. К тому же туалетов недостаточно и, несмотря на таблички с просьбой не писать, углы здания со стороны черного хода крепко пропахли мочой.

На берег я уехал на машине, которая привезла продукты. Обрато она везла мусор и вышеуказанные бочки. Свалка, как я и ожидал, оказалась неподалеку от поселка в небольшом овраге, и она не была переполнена. Так как жители Боливии более бережно относятся к продуктам и к топливу. Съедобные остатки они отдают свиньям. Картонные ящики идут на топливо, вот только пластиковым пакетам и бутылкам пока не нашли применение.

Ну ладно. У них свои заботы, у меня свои. Основная – до середины лета успеть добраться до мыса Горн. Лето там очень короткое, а зима очень холодная и ветреная. Неуютно будет босиком-то. Вперед, на юг, к аргентинской границе. Так, в более развитой стране больше дорог, больше транспорта, а здесь на юг в сутки идет одна-две машины – и обчелся.

Боливийцы – хорошие люди: всегда готовы помочь. Вот сейчас, например, они проехали лишних 5 км, вывезя за пределы поселка. Оставив на нужной дороге, они дали в дорогу фруктов и воды, так как неизвестно, сколько мне придется идти до следующей попутки. Еще они сказали, что если мне повезет, то я найду яйца страусов, но это маловероятно. Гораздо более вероятно, что я встречу бандитов, для которых одинокий турист в пустыне – легкая добыча. Туристы ведь здесь иногда пропадают, но в тех местах, где их много.

На следующий день я прошел 4 часа, прежде чем меня догнал и подобрал грузовик. За это время я доел фрукты и видел 4 страуса, но яйца искать я не стал чтобы не увеличить шанс на встречу с нехорошими людьми (шутка). Я долго и медленно ехал в кузове старого грузовика, который ехал почти до границы, но к вечеру мне повезло. Когда мы остановились перекусить у дорожной забегаловки, туда же подъехал старенький джип и водитель, определив во мне иностранца, предложил меня подвезти, чтобы попрактиковаться в английском. Он ехал туда же, но поскольку вскоре начинался спуск с высокогорного плато, по которому грузовики ползут очень медленно, то, естественно, до цели с ним я мог добраться быстрее. При этом шансы попасть на кладбище оставались те же.

Водитель был опытный. Оказывается, он работал в туристической компании, которая практиковалась по доставке туристов, приехавших из Аргентины, к соляному озеру и обратно. Иногда, как сейчас, туристы ехали дальше в Лапаз, и он возвращался пустой. Дорога вилась серпентином по живописным ущельям и было жаль, что последние два часа мы ехали в темноте. Я, вообще-то, как обычно, собирался выйти из автомобиля с наступлением темноты, но начался дождь, и водитель сказал, что, если он усилится, начнутся селевые потоки, которые иногда останавливают движение на неделю.

Заночевал я в г. Патой возле гаража, где стояла машина. Гараж находился на выходе из города на нужной мне дороге, поэтому я отказался от предложения водителя поехать с ним на такси домой, так как завтра у него был выходной, и мне бы пришлось с утра потратить часа два, чтобы снова оказаться здесь.

Наутро, по холодку, я двинулся дальше по щебеночной дороге, по которой, на удивление, двигалось очень мало транспорта. Казалось бы – рядом большой город, до границы всего 100 км, но страна бедная, численность автомобилей на душу населения примерно, как у нас в Советском Союзе в послевоенные годы. Да и дорогу уже размыло.

В общем, попутка подобрала меня уже после обеда, и я оказался в кузове в компании двух пожилых крестьянок. К моему удивлению, они не проявили к белому человеку никакого интереса. Возможно, потому, что у них была открыта тема для разговора – 3-литровая бутылка с беловатой мутной жидкостью, к которой они прикладывались по очереди. Ну вот, подумал я, та же причина для бедности, что и в русских деревнях. Правда, в отличие от русских, тетеньки мне «сугреться» не предложили.

Грузовик двигался на спусках очень медленно из-за, местами, скользкой глинистой дороги и из-за отсутствия тормозов. Кстати, это всегда можно определить по дистанции, потребовавшейся транспортному средству, чтобы остановиться для вас.

Грузовик ехал аж до границы, но в этот раз я последовал своему правилу и вышел из него в небольшом поселке, когда начало смеркаться. На небольшой площади, возле дороги, я обнаружил небольшой базарчик, где, в ожидании редких клиентов, скучали продавцы, девчонки-подростки. Я попробовал снять их на видео, но они тут же отворачивались, хотя по их лицам я видел, что они это делают не от смущения. Тогда я включил камеру и стал показывать им предыдущие фото, после чего они, подумав, что раз другим боливийцам можно фотографироваться, то им тоже можно.

Спросив разрешения у сторожихи, я переночевал в классе, пустующей на время летних каникул, школы. Сторожиха пожаловалась мне на очень маленькую зарплату, хотя во время учебного года она работает здесь еще и поварихой, но денег за ночлег не попросила, наверное, потому, что я, как обычно помог ей наколоть дров.

До границы оставалось еще километров 50, поэтому наутро я пошел не по петляющей щебеночной, а по шпалам идущей рядом железной дороги, чтобы сократить расстояние и поберечь кожу на ступнях. Впрочем, это можно было сделать и на 50 км раньше, но тогда мой внутренний голос не подсказал мне этот вариант. Через 3 часа я убедился, что моя интуиция, как всегда, не подвела: меня догнала дрезина с 4-мя ремонтными рабочими, которые сказали, что грузовой поезд ходит здесь раз в неделю, а перед его проходом они едут проверять, не подмыло ли где дорогу, что случается здесь довольно часто из-за обилия дождей.

Вскоре они остановились, чтобы заменить 4 шпалы. При этом один остался готовить обед. Чтобы внести свою лепту в железнодорожное движение Боливии (шутка), я предложил им сготовить суп из топора: их продукты – мой труд. Таким образом, они получили лишнюю пару рук и экономию газа (я готовил на костре), а я получал бесплатную еду и мог быстрее попасть в приграничный город, куда они должны были приехать после окончания работ. Мне понравилось, как они работали – азартно и дружно, а им понравилась еда, что немудрено после тяжелого труда на жаре. К вечеру мы были в г. Виазон, но аргентинское консульство было уже закрыто. Поэтому я переночевал с ребятами на полу железнодорожного вокзала, закрытого на ночь для пассажиров.

Наутро я пошел в консульство и был очень удивлен тем, что каждые два часа клиентам выносили чай или соки с пирожками в придачу. Правда, посетителей за весь день было не больше 10, включая аргентинцев, нуждающихся в помощи консула, как, например, за украденные паспорта и т. п.

Я сдал паспорт и должен был прийти за ним после обеда, но так как осмотр небольшого городка занял не более часа, остальное время я провел, сидя в помещении с кондиционером, где были пирожки, кофе и три молодые аргентинки, у которых украли паспорта, без которых их, естественно, не пускали к себе на родину.

Когда подошло время выдачи паспорта, мне не вынесли его, как другим, в зал, а пригласили в кабинет к консулу. Это была миловидная женщина лет 50, которая, путая польские, английские и русские слова, торжественно вручила мне паспорт с визой, плюс календарь и значок. Рассыпаясь в любезностях, она заявила, что очень любит русских и что я настоящий герой – она уже успела ознакомиться с моим вебсайтом. Кроме того, она поздравила меня с днем рождения, который у меня был назавтра. После чего она познакомила меня со своим 25-летним сыном, работающим здесь же и извинилась за то, что не может уделить мне больше времени.

Сын вышел со мной в зал, и я спросил, по случаю какого праздника выносят угощение, на что он ответил, что это его мама год назад выбила средства на развитие дружеских отношений между соседями и их использует в частности таких образом. Также он сказал, что сегодня у них много работы, так как случилась неприятность: 4 девочки-аргентинки пропали на территории Боливии. Об этом заявили их родственники, которые приехали встречать их на границу еще вчера, но те не приехали к сроку, хотя звонили до поездки на соляное озеро. Консул уже нашла тур. компанию, услугами которой пользовались девушки и те ответили, что джип, на котором они уехали, по какой-то причине еще не вернулся, но они надеются, что это из-за технических неполадок. Сейчас все надеются, что это так. Хотя не исключена и вероятность бандитского нападения.

Я еще раз переночевал на вокзале и на свой день рождения вышел на территорию Аргентины. При этом на границе меня ждал приятный сюрприз: я стал в длинную очередь на таможенный досмотр, в которой надо было торчать около часа, но ко мне подошел офицер, посмотрел на мои босые ноги, спросил: «Русо?». Я подал паспорт, и он под любопытные взгляды из очереди провел меня к стойке. Оказывается, консул позвонил и попросил пропустить босоногого русского без очереди.

Аргентина

Дистанция по Аргентине примерно = 8000km: La Quiaca – Abra Pampa – Susques – Cafayate – Pie de Medano – Belen – Chilecito – San Jose de Jachal – San Juan – Mendoza – Malargue – Zapala – San Carlos de Bariloche – El Bolson – Esquel – Perito Moreno – Tres Lagos – Lago Viedma – 28 de Noviembre – Rio Gallegos – Estancia Monte Aymond – Rio Gallegos – Calet Olivia – Comodoro Rivadavia – Rawson – Puerto Madryn – Bahia Blanca – Miramar – Buenos Aires —Colon.

Вот я и в Аргентине. Сразу же чувствуется, что страна намного богаче: имеется асфальт и освещение на улицах. Кирпичные, а не сарайные постройки. Больше автомобилей на дорогах и т. д. Но и цены в магазинах в два раза выше. Теперь понятно, почему очередь на пересечение границы только в одну сторону: в Боливию все едут пустые, а возвращаются с товаром, в котором нередко попадается кокаин. По этой причине следующие пару сотен километров на дороге то и дело стоят патрули, которые могут остановить и обыскать любую машину. Также сразу же бросается в глаза большое число светлокожих людей, среди которых много симпатичных девушек. Наверняка культура этой страны отличается от культуры потомков инков, но эти различия не видны сразу.

А вот что мне бросилось в глаза в первый же день, так это матэ, без которого аргентинцы не обходятся ни одного дня. Его здесь пьют все от мала до велика: с утра до вечера. Отведал этот напиток и я в первый же день, так как оказалось, что здесь принято подавать «матэшницу» любому кто войдет в дом или даже просто подойдет к компании, пьющей в это время матэ и поздоровается. Для людей брезгливых этот обычай может показаться антисанитарным, так как приходится пить напиток через трубочку-мундштук, который только что держал во рту посторонний человек.

В отличие от японской чайной церемонии, способ приготовления и употребления матэ очень прост: в матэшницу (кружка от 100 до 500 г) засыпается матэ (несколько нарубленных трав). Туда же вставляется трубочка с мундштуком, конец которой имеет мелкие отверстия. После чего туда заливается горячая вода из термоса и сразу же подается гостю. Несмотря на то, что напиток не настаивается, он имеет ярко выраженный вкус, который не перебивает даже сахар, который (иногда на любителя) добавляют в воду в термосе. Так как матэшница доверху наполнена травой, то напитка хватает всего на 2—3 глотка, после чего туда опять заливается вода и передается следующему по кругу. Таким образом кружку наполняют раз 20, но, несмотря на это, даже последние порции напитка имеют вкус и запах благодаря тому, что воду наливают сначала вдоль трубочки, затем по кругу секторами так, что почти до конца остаются сухие участки.

Мате продается во всех магазинах в 500 гр и 1 кг упаковках и его разных названий, я насчитал не менее 30, и в состав каждого входит не менее 10 ингредиентов, так что любой может выбрать по вкусу. Забегая вперед скажу, что за свое пребывание в Аргентине я пил его практически каждый день, так что перепробовал почти все виды. Могу сказать, что ничего наркотического в нем нет. В основном он оказывает тонизирующее действие, поэтому дальнотойщики потребляют его больше, чем остальные, но даже они не дотянут до казахов, которые сидят с пиалами в руках целый день. Ну, а средний аргентинец, который в среднем выпивает 2 литра матэ в день и подавно.

Ну вот, пожалуй, и все об аргентинском мате. Хотя нет – не все. Матэшницу, наверное, можно увидеть в доме каждого туриста, побывавшего в Аргентине – это самый ходовой товар на прилавках сувенирных лавочек. Ну а что касается, собственно, напитка, то навряд ли какой турист повезет домой больше 2—3 пачек полюбившегося продукта. Так что суждено

этим матэшницам пылиться и рассыхаться. Хотя рассохнутся только деревянные, а изготовленные из рога, кожи и пластмассы могут выполнять свою функцию и через десятки лет. Извиняюсь, если читателям описание аргентинского «чайника» показалось слишком длинным.

Ладно, поехали дальше. Следующую пару часов я, не торопясь, шел по городу, заглядывая в магазинчики и заговаривая с приветливыми прохожими, которых на улицах было раз в 20 меньше, чем в боливийских городах, так как автомобилей было раз в 10 больше. Хорошо хоть, что цены на продукты были всего в два раза дороже – теперь понятно, почему так в приграничном боливийском городе: он кормит два города.

Главное внешнее отличие сразу же бросается в глаза – все, даже маленькие окраинные улочки, заасфальтированы и освещены, а, кроме того, на них есть урны для мусора. Правда, не думаю, что уборщикам мусора привычен дизайн урн, установленных на центральных участках. Они выполнены в виде керамических кувшинов под наклоном вмурованных в бетон. Смотрится, конечно, неплохо, но выгребать мусор из такой полутораметровой «вазы» гораздо труднее, чем его туда бросать. Хорошо хоть, что ими пользуются только прохожие, а бытовой мусор люди собирают в большие пластиковые мешки и вечером выставляют на улицу возле дорог. Ночью, правда, из-за этих мешков улицы выглядят не очень приглядно, но зато уборщики рано с утра имеют хорошую физическую зарядку – они бегут рядом с машиной и на ходу забрасывают туда мешки.

Ну вот я и на окраине: дорога, ведущая вглубь страны на удивление пустынна – не более одного авто в час. Возможно, мне придется заночевать где-нибудь в степи. Иду дальше – вот и первый дорожный указатель: до кладбища 3 км. До столицы чуть меньше трех тысяч. Да, никогда не знаешь куда попадешь быстрее – но в этом плане у меня свои плюсы: у путешественника хоть и больше шансов попасть на кладбище, но зато он и его близкие более подготовлены к такому раскладу.

Но ладно. Не будем о грустном. Много ли путнику нужно – солнышко печет не слишком. Птицы поют, ветер освежает. Правда, вот пора обедать, но воды пока нигде не видать, а всухомятку есть не хочется – пройду еще немного, может, кто подвезет до ближайшего поселка.

Через час я дошел до одинокого домика и направился туда. Учувя незнакомца, навстречу сразу выбежали три больших собаки. Это не страшно – они просто делают свою работу: предупреждают хозяина. Ну, а вздумают атаковать – у меня мачете на поясе. За собаками вышел хозяин и, отозвав собак, пригласил меня во двор. О, я как раз вовремя – на ветке подвешен только что забитый барашек, с которого уже снята шкура – значит скоро будет свежина! Тушу обрабатывают пожилой человек – по-видимому, отец мужчины, вышедшего мне навстречу. Его мама уже на кухне (небольшое строение во дворе), а его жена пошла в город за покупками и заодно провести 3-х детей в школе—интернате.

Моего испанского хватает, чтобы говорить на бытовые темы, тем более с простыми сельскими жителями. Я лично люблю и уважаю их – ведь именно они кормят нас всех, а что даем им мы? Вы можете сказать – сельскохозяйственную технику. Так она нужна не им, а нам, чтобы увеличить число людей, которые будут продавать и перепродавать эти продукты, а также производить автомобили и самолеты. А много ли крестьян летает на этих самолетах? Не помню, кто из мудрых сказал: «Хочешь быть счастливым – умерь свои желания». Так вот, сельские жители – это и есть люди, живущие по этому закону, хорошо бы и всему нашему урбанизированному обществу умерить свои желания, хотя бы для того, чтобы сохранить природные ресурсы для внуков.

Сейчас читатели подумают – ну вот, поел баранинки и на философию потянуло. Нет, это не так – я всегда пишу свои заметки уже после путешествия, находясь где-нибудь в уединенном месте, а именно когда я шаг за шагом вспоминаю походные будни, меня посещают эти мысли.

А во время путешествия я не просто сторонний наблюдатель. Я каким-то образом проникаюсь атмосферой и энергией этого места, в котором я в данный момент нахожусь. Пока я

там, я живу их заботами, поэтому, где бы я ни был, я ощущаю потребность сделать что-нибудь. Например, здесь я сразу начал собирать кизяк, так как увидел, что недостаточно топлива.

Другие примеры: находясь среди безработных моряков в Карачи, я помогал им искать работу. Находясь среди бомжей, наркоманов и алкоголиков я, конечно, не начинал пить, но пытался как-то помочь им! Я, конечно, не думаю, что этим своим участием приношу кому-то большую пользу – скорее, это полезно для меня. Таким образом, я детально запоминаю все происходящее, так как оно не только увидено, но и прочувствовано.

Пообедав, я вышел на дорогу, несмотря на то, что хозяева приглашали меня остаться заночевать. Через пару часов меня подобрала машина, водитель которой объяснил мне, почему редкие машины не останавливаются для случайных путников. Оказывается, по этой дороге идет наркотрафик в Аргентину и Чили, поэтому здесь часто стоят полицейские кордоны. Конечно, в связи с этим у водителей, видящих одинокого путника с рюкзаком, возникает мысль: «А вдруг рюкзак набит листьями коки, которые в Боливии продается легально на каждом углу. Но здесь, в Аргентине, если у кого коки более чем 100 грамм, будут большие неприятности. Позже я видел такие кордоны. Если ничего и не найдут, то час водитель потеряет – точно там не только все вещи перетрясут, но и обшивку дверей снимают и запаски спускают и разбортовывают. Вооружены эти полицейские автоматами, и автомобили у них похожи с форсированными двигателями, так что убегать или сопротивляться нарушитель навряд ли станет. А вот насчет морального облика самих блюстителей закона пока не знаю. У мексиканских полицейских, к примеру, это все также есть, но все знают, что в Мексике всё возможно, если есть деньги.

Да, в этом плане до Мексики далеко даже России. Но Мексика далеко, Россия еще дальше. Что там сравнивать? Вот в соседнюю Боливию аргентинские шофера не боятся ездить. Имеются документы на груз или нет, тормоза не в порядке или лампочка какая не горит – тариф один и тот же: остановили – плати мзду и едь дальше. Правда, плата небольшая, ее осиливают даже боливийские водители, а аргентинцы и подавно – у них зарплата раза в 3 выше. А вот боливийским старым грузовикам к Аргентинцам лучше не соваться. Если что не в порядке, взяткой не отделаешься. Но что-то я отвлекся – пора возвращаться на маршрут, а то «быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается».

В первый день я прошагал изрядно, но проехал всего 30 минут до небольшого городка Абра Пампа, на окраине которого и заночевал. На второй день, прошагав часик-два, я издаleка увидел два дерева, увешанных красными флажками и что-то вроде склепа, возле которого стояли столики со скамейками и жаровни. Территория и дорожки туда тоже были огорожены флажками. На склепе была надпись «Гуачеро Антонио Гил», я уже знал, что гуачеро – это аргентинский ковбой. Чем он знаменит, я расскажу позже. Пока я только знал, что слово гуачеро произошло от гаучо – сирота, потому что именно их брали ухаживать за скотом. В общем, Аргентинский ковбой. Кстати, думаю, что не все в России знают, что слово ковбой, окутанное романтическим ореолом, состоит из двух слов: кау и бой (корова и мальчик).

Посидев полчаса в тени деревьев в надежде, что здесь больше шансов поймать попутку, я пошел дальше. Так я шел, и шел, и шел. К концу 8-го часа, помню, подумал, что здешним ковбоям, отработавшим до пенсии в этой безводной местности, надо пожизненно памятники ставить. А вот и моя награда: возле меня, наконец-то, остановилась легковушка с симпатичной женщиной за рулем. Я спросил, как это она не побоялась остановиться, на что она ответила, что видела меня, когда ехала 6 часов назад по работе и вот сейчас, возвращаясь и увидев, что я все еще топаю, решила остановиться, так как она христианка. Я сказал, что, наверное, в стране мало христиан, на что она, улыбнувшись, ответила, что 95% населения. Да, не повезло мне, весь день мимо меня ехали эти 5%. Девушку звали Мария, она работала адвокатом. Она владела английским в такой же мере как я испанским, так что следующие 4 часа мы бегло общались, заодно увеличивали свой словарный запас. Ну хоть и ей от меня какая-то польза:

нескучно, и в английском попрактиковалась! Уже вечерело, когда мы подъехали к развилке, от которой до ее дома было 50 км, но я отказался от предложения поехать к ней и познакомиться с мужем и родителями: попутки берут неохотно и неохота терять время.

Мы попрощались, при этом я познакомился с еще одним аргентинским обычаем. При встрече и расставании со знакомым человеком здесь положено дважды целоваться. Да, всегда полезно знать обычаи. В некоторых африканских племенах лучше не называть своего имени во избежание того, чтобы тебя не съели или не заколдовали, а здесь наоборот: хочешь, чтобы тебя поцеловала симпатичная девушка – просто заговори с ней и представься. Спроси к примеру дорогу и поцелуй обеспечен. Правда мужчины здесь тоже целуются и отнюдь не потому что голубые – так принято. Хорошо хоть не принято целоваться взасос как Брежнев. Надо просто прикасаться щеками и чмокать воздух.

Есть свои минусы и в традиции «матэ». Не очень приятно его пить после человека с провалившимся от сифилиса носом, а отказаться неприлично. Но в жизни странника все-таки намного больше приятных моментов. Хотя это, наверное, зависит от его характера. Вот я уже в стране 5 дней и еще нет неприятных минут. Вот я еду в кузове грузовика на куче арбузов и дынь. Водитель, увидев мачете у меня на бедре, жестами предложил не стесняться и есть груз. Теперь я работаю сеяльщиком, сплевываю арбузные и дынные семечки в кювет. Если кто поедет по этой дороге, добро пожаловать на мою бахчу – это, не доезжая до Мендозы, с 250 по 200 км. Впрочем, сойдя с машины, я пожалел, что в желудке не осталось места. Вдоль дороги потянулись нескончаемые виноградники, перемежаемые рощами фигов. Но от инжира ни жирным, ни сытым не станешь – надо останавливаться варить рис.

Я развел костер на окраине деревни в тени деревьев, растущих по берегам арыка, в которой плескалась ребятня и стирались женщины. Для полноты картины не хватало только «аксакалов» с пиалами в руках. В отличие от городских, сельские жители оказались намного любопытнее – вскоре возле меня собралось человек 15. Что ж, придется варить полный котелок – я всегда так делаю в подобных случаях: если человек любопытен, то ему наверняка интересно попробовать, что там на кашеварил чужеземец.

Кстати, аргентинская кухня разнообразием не отличается. Поэтому мой вегетарианский «плов» им понравился. Они угостили меня фруктами, которыми я и так уже объелся. Да, конечно же мне дали с собой хлеба – это еще один из обычаев этой страны. Если я спрашивал у кого-нибудь воды, вместе с водой мне обязательно выносили булочки, которыми я в этой безводной местности в основном питался: воду для приготовления риса тяжело с собой тащить, а фрукты – повсюду. Правда, спрашивать иногда не у кого – приходится брать без разрешения. Вот так, «перебиваясь» с хлеба на фрукты, я и добрался до г. Мендоза.

Это первый крупный город на моем пути – Аргентина в этом районе населена негусто. Я сошел с попутки почти в центре. Было около 11 вечера. Но, по-видимому, потому, что был выходной, на улицах было полно людей, особенно в районе парка, где я собирался заночевать. Несмотря на позднее время в парке было много детей и подростков, но они вели себя очень спокойно. Стражей порядка на улицах не наблюдалось, поэтому я зашел в полицейский участок и спросил, можно ли поставить палатку в парке. К моему удивлению они сказали, что да, но до полуночи, так как там будет полно гуляющих. Лучше если я переночую в каком-либо тихом скверике. И ни одного слова о том, что здесь опасно. Значит, здесь действительно безопасно. Обычно полицейский перестраховывается, так как если на их участке с туристом что-то случится, у них будет лишняя «головная боль».

От Мендозы на юг можно двигаться двумя путями:

1. По дороге Н40, которая ведет вдоль границы с Чили.
2. Двинуться сначала на восток, а затем вдоль густо заселенного побережья. До зимы мне надо добраться и выбраться с острова Огненная Земля, иначе босохождение из удовольствия превратится в выживание. Вдоль побережья летом, конечно, идти приятнее, но поскольку води-

тели подбирают неохотно, то практичнее двигаться там, где меньше населенных пунктов – уж если подвезут, то проедешь дальше. Возвращаться тогда придется по побережью ветреной холодной Патагонии, но это безопаснее, чем по горной дороге, где к тому времени местами уже будет гололед. Ну все, план подкорректирован. Но, естественно, правило «Для пьяного возчика 100 верст не крюк» остается в силе.

Граница между Аргентиной и Чили проходит по гряде, которая служит «доильным аппаратом» для облаков, гонимых ветром с океана, поэтому в горных долинах много красивых озер, наполненных чистой дождевой и талой водой. Но дальше на восток простираются безводные пространства, малопригодные для земледелия. Все населенные пункты, естественно, находятся возле воды – крестьяне выращивают овощи и фрукты, разводят пчел, имеют скот. Туристы, посещающие эти живописные места, всегда имеют возможность закупить свежие продукты, а у людей, обслуживающих их, есть работа.

Особенной популярностью у иностранных туристов пользуется «осадо» – жаренное на решетке мясо. Аргентинцы очень гордятся своим «осадо», считая этот способ лучшим в мире. На самом деле ничего особенного в его приготовлении нет – берутся крупные куски мяса с различных частей говяжьей туши и долго обжариваются на углях. Чтобы гости не истекали слюнями от вкусного запаха, туда же кладутся мясные и кровяные колбаски, которые вскоре можно начинать есть, запивая вином, пока остальное мясо и гости не подойдут. Правда, у «осадо» есть одна особенность. Среди этого набора обязательно присутствуют кишки молодого теленка с оставшейся там пищей. Естественно, это не та часть кишок, в которой находится уже полностью переработанная пища. Ее не стали бы есть даже изобретатели этого блюда – голодные скотники, которым после забоя животного доставались не лучшие части туши. А вот та часть, где находится обработанная коровой «жвачка», вполне съедобна и даже вкусна – чем-то напоминает вкус моллюсков, когда ешь их вместе с внутренностями. Надеюсь, я достаточно подробно описал этот способ. Теперь читателю необязательно ехать в Аргентину. Можно просто поехать на мясокомбинат и попросить эту часть кишок – производители туш не обеднеют.

Этот год в Аргентине выдался особенно засушливым, в результате чего, хотя скотники и старались есть «осадо» каждый день, тысячи животных погибли не от ножа, а от жажды и голода, так как местные мясокомбинаты не рассчитаны на забой дополнительного количества голов.

Аргентина – аграрная страна. До сих пор я не видел ни одного крупного производства, а из бесед с водителями знал, что здесь нет автомобилей отечественного производства. Все транспортные средства привезены из соседней Бразилии и Чили, которые по лицензиям собирают японские, европейские и американские авто. Из отзывов водителей я знал, что легковушки, собранные в Чили, лучше своих собратьев из Бразилии, а грузовики более-менее одинаковы.

Мне, как пассажиру, за короткую поездку трудно оценить достоинства авто, но однажды я ехал на неизвестно как попавшем сюда джипе индейской постройки, так там все недостатки на лицо. По виду он абсолютно похож на Ланд Кроузер, но только по виду. У него только одна ведущая ось. И движок там стоит очень слабенький, поэтому на горку, да еще против вечно дующего в Патагонии ветра, он тащился на первой передаче. Два приятеля купили его из-за дешевизны, чтобы ездить на рыбалку. Ребята довезли меня до городка Педра Агула – «Каменный Орел» и поехали в сторону реки, пошутив, что в обратную сторону они вообще не будут заводить двигатель, так как ехать под гору, и ветер поможет.

С заходом солнца здесь редко бывает холодно. И это в январе – разгаре лета! Я спросил у проезжающих полицейских, где можно поставить палатку. Они порекомендовали переночевать у подножия отвесных скал, где можно укрыться от пронизывающего ветра. И опять – ни слова об опасности. Да, хорошая здесь работа у полицейских – ни хулиганов, ни пьяных. «Транкило» – это словечко здесь часто употребляют, подтверждая его забавным жестом: боль-

шие пальцы обеих рук ставят на ключицы, а остальные восемь ставят на грудь и запрокидывают голову.

Словечко созвучно «киллер». Жест непонятный, но означает оно, типа, расслабься, не беспокойся. Хотя покойнику уже тоже незачем напрягаться. Что касается меня, то 95% ночей во время похода я сплю «транкило», иначе не выспишься, а завтра – опять топать. Выспавшись под завывание ветра, я пошел дальше. Опять же против ветра. Вообще-то, меня удивляет, что люди дают женские имена постоянно дующим ветрам, ведь женщины в отличие от них непостоянны. Мне пришлось топать от «Каменного Орла» почти до вечера. Хорошо хоть мне нравится это занятие, помню в детстве я был ужасно рад, когда 3 километра между домом и школой мне приходилось преодолевать в пургу против ветра.

До города San Carlos de Bariloche меня подвезла парочка молодоженов. Правда, им было лет под 40, но это не важно, если можешь проводить свой медовый месяц очень активно. Они то и дело показывали мне места, где они занимались сексом. Это были мосты или большие валуны. Они жили в двух часах езды до работы, а дома были дети от предыдущих браков. Поэтому их можно было понять, но у нас в России об этом принято рассказывать только близким друзьям.

Хотя, может быть это связано с тем, что не так далеко от города находился городок Балтон, где зародилось движение хиппи. Туда меня подвезла пожилая женщина с татуированной пятиконечной звездой на лбу, что, по ее словам, говорило о ее принадлежности к этому «славному племени». Кроме того, она, как и я, была босой, что говорило о ее свободолюбии больше, чем наколка.

Не доезжая до города, она остановилась у очередного «мемориала Антонио Гиль» и пошла туда возложить цветы и помолиться. Поскольку она немного говорила по-английски, то я наконец-то узнал почему здесь в Аргентине так популярен этот человек. Я уже писал, что видел большой мемориал с его именем. Так вот с тех пор я видел подобные (правда, раз в 10 меньше) не менее 20 раз. Так вот, оказывается этот «ковбой» – аргентинский Робин Гуд.

Он грабил богатых и раздавал деньги бедным. Но, в отличие от своего английского коллеги, который является образом собирательным, Антонио был реальным персонажем и принял реальную смерть – был зарублен на площади полицейскими при задержании. За это простые люди возвели его в статус святого. Теперь по всей Аргентине можно увидеть возле дорог мемориалы в виде надгробного памятника, к которому можно возложить цветы или просто помолиться. У шоферов-дальнобойщиков считается, что это приносит удачу.

Второй по популярности в этом плане является святая Елена. Ее мемориалы можно узнать по пластиковым бутылкам, наполненным водой. Ее возвели в сан святых за то, что, заблудившись в пустыне, она спасла своего ребенка, приложив его к груди. Его нашли спустя несколько дней после ее смерти. Он выжил благодаря тому, что сосал молоко умирающей матери. Судя по этим двум историям, аргентинцы, как и русские, любят своих героев. Но в отличие от советских, их герои – простые люди.

Городок Болтон сейчас ничем не отличается от прочих мест, облюбованными туристами, так как от былой активности хиппи остались лишь воспоминания. Однако туристы, приехавшие сюда, не остаются разочарованными. В окрестностях городка много красивых мест, куда организованы конные и пешеходные экскурсии. Кроме этого, поднявшись на гору, можно полетать на дельтаплане или парашуте, благо, ветра здесь постоянные, а не порывистые.

Переночевав на окраине поселка, я пошел дальше по дороге Н 40, которая является самой длинной в Аргентине. Правда, большой процент этих километров неасфальтированный, по-видимому, потому, что поселения (особенно на юге) редки, и тратить деньги на дорожное покрытие нерентабельно.

Впрочем, экономика страны на данный момент оставляет желать лучшего. Главой правительства на сегодняшний день является жена бывшего президента, который перед своим

уходом продал многие государственные предприятия частным предпринимателям, якобы для того, чтобы поднять экономику страны. На самом деле он положил солидный куш в свой карман.

Более обширную, но не живую информацию об экономической и политической жизни страны читатель может получить из официальных данных. Здесь же в своих путевых заметках я пишу только то, что узнаю из разговоров с людьми, с которыми мне приходится общаться. В основном это простые люди, с которыми я разговаривал в поселках и на улицах городов, и шоферы-дальнобойщики. Но и в легковушках, иногда подбирающих одинокого путника, могут быть представлены люди любого класса вплоть до правящего из официальной среды.

Ко мне иногда проявляют внимание полицейские и журналисты. Также мне по роду занятий приходится обращаться в посольства (в том числе и российские) к работникам на границе. Общение с последней группой не всегда бывает приятным, поэтому я стараюсь свести его до минимума.

Вот и сейчас, прибыв в городок Рио Галлего, где находится последнее по пути на юг консульство Чили, в пятницу вечером, я предпочел не ждать до понедельника, а попробовать пройти через границу без визы, воспользовавшись паспортом «гражданина мира». Дорога Н40 заканчивалась в этом городе, и до границы отсюда оставалось 100 километров, которые я преодолел по дороге Н3. Идти по ней мне пришлось часа два, не больше, так как вскоре меня предложила подвезти приветливая семья на микроавтобусе. И к вечеру, еще засветло, я был на границе.

Из беседы с чилийским консулом в Эквадоре я уже знал, что моя краснокожая паспортница дает мне право пересекать границу только при наличии в ней визы, которую надо ждать три месяца. Поэтому, будучи предупрежден, я предъявил паспорт Гражданина Мира. Офицер порылся в своих каталогах, но ничего в них не нашел. Поэтому отдал мой паспорт старшему офицеру.

Chille

Дистанция по Чили примерно =400km Monte Aymond —Bahia Azul – Estanzia San Sebastian <-> Monte Aymond.

Минут через 15 меня пригласили в кабинет, где молоденькая девушка—офицер радостно объявила мне, что нашла документ, где говорится, что я могу пересечь границу без визы. Также она изъявила желание сфотографироваться со мной, так как я первый «гражданин мира», пересекающий границу в этом месте. После этого и другие сотрудники по очереди изъявили желание сфотографироваться со мной, так что, когда я вышел, на границе даже образовалась очередь из 5 машин.

Что ж, это мне на руку, так как смеркалось, и может, меня кто-нибудь подбросит до парома. Пассажиры из очереди, естественно, видели происходящее, но не посчитали меня виновником задержки, а наоборот изъявили желание подвезти меня. Правда, так как ни одна машина не ехала к парому, я вышел на перекрестке, от которого до парома оставалось километров 15.

Уже темнело. В этих широтах это происходит медленно, но, так как водитель предупредил меня, что паром ночью не работает, я пошел к домику, одиноко стоящему в степи. На лай двух огромных волкодавов, бросившихся на меня, вышел хозяин и пригласил в дом. На кухне стояла раскаленная буржуйка, топящаяся газом. На столе парилась кастрюля с супом. Я, как всегда, пришел вовремя. Хозяева – пожилая пара, пригласили меня столу и налили большую миску горячего, жирного супа. Мой приход их конечно удивил, но лишний рот, похоже, не огорчил. Это в городах тратят на еду половину своей зарплаты, а здесь – вон они, барашки – 50 штук в загоне, чтобы волки на пастбище не съели. За ужином я узнал, что из-за засухи в этом году дела у них не очень. Хорошо, хоть есть свои дешевые продукты.

А вот если бы барашки умели говорить, то они бы сказали, что этот год для них не убыточен: еды и воды для них хватает, а вот забивать их в этом году, похоже, не собираются. Из-за того, что в Аргентине резко подешевела говядина, спрос на баранину резко упал. Да и волков стало меньше – многие стаи подались в Аргентину на «халявную» говядину.

После ужина хозяин мне прямо сказал, что размещать незнакомца в доме не собирается, но я могу переночевать в сарае на овечьих шкурах. Кроме того, он предупредил, что рано с утра погонит овец на пастбище, а жена не станет открывать мне, если я приду на завтрак. Поэтому он предложил мне взять с собой хлеба и воды. Молодец. Может, это и не по-христиански, но зато по-мужски. Если бы все люди говорили все начистоту, было бы больше понимания на земле.

Надеюсь, все в Чили такие же, хотя это вряд ли. Национальность и проживание в определенной стране конечно накладывает свой отпечаток на поведение человека, но по-большому счету люди все одинаковы. В каждом из нас заложено животное и божественное начало, злость и доброта, здоровье и болезнь и т. д. И от каждого из нас ЛИЧНО зависит, как он по жизни распорядится этим арсеналом.

Переночевав на мягких теплых шкурах, рано с утра я отправился дальше по пустынной дороге. Но уже спустя полчаса меня подобрала первая же попутка. Водитель грузовика – молодой, разговорчивый парень – угостил меня горячим кофе из термоса. Вот оно и первое различие – чилийские водители пьют не мате, а кафэ. От кофе я уже отвык. При общительном характере водителя у него конечно же были везде друзья, и на пароме он повел меня знакомить с капитаном.

Паром «Патагония» был совсем новенький и отличался необычным техническим дизайном. Под его двойным килем было установлено 4 винта, приводимые в движение четырьмя электродвигателями, благодаря чему отпадала надобность в рулях и, как следствие, в штурвале. Я находился на мостике весь недолгий путь и видел, как капитан – он же моторист, играючи

управлял этой посудиной двумя джойстиком. Второй член экипажа также легко справлялся со швартовкой. Паром был, правда, относительно небольшой – машин на 20, но своей работой по этой не очень оживленной трассе он приносил компании нормальные доходы, так как конкурентов не имел.

Паромная переправа находилась на единственной дороге, идущей к единственному городу, расположенному на большом острове Огненная Земля. За время переправы мой обаятельный знакомый договорился с водителем другого грузовика, который и повез меня дальше по ухабам Огненной Земли.

Почему дорога ухабистая – это уже отдельная история, уходящая корнями в прошлое. Естественно, если бы я ее и знал всю, то пересказывать полностью здесь не стал бы. Но суть такова: по этому куску, принадлежащему сейчас Чили, ездят, в основном, аргентинские автомобили. Потому что другой дороги к Аргентине просто нет. Поэтому власти Чили не хотят вкладывать деньги в ее благоустройство, а аргентинцы и на своей территории за дорогами не очень-то следят, а отдуваться, вернее отпрыгиваться, приходится шоферам.

Конечно, для общего блага можно было как-то по-умному переделать территории, но кто в таких случаях думает о благе для людей? Тут для политиков главное – престиж и амбиции. Да, не зря я подумал об амбициях и политике, сидя в прыгающем по кочкам грузовике. Прибыв на переходной пункт, я сам стал жертвой амбиций и того, что в эмиграционной системе Чили левая рука не знает, что делает правая.

Эмиграционный офицер не был уверен, что должен просто поставить штамп о выезде в паспорт, где красовалась новенькая виза, разрешающая в течение трёх месяцев находиться в Чили и понес его менеджеру. Вскоре вышла молодая женщина (похоже, у них матриархат, или высшие чины не могут устоять перед женскими прелестями) и, извинившись, сказала, что она изымает мой паспорт! При этом она предложила мне прочитать приказ с копии очень плохого перевода на английский, где был напечатан текст приказа ихнего МИД о том, что «паспорт гражданина мира» в их стране недействителен и подлежит конфискации. Во втором документе я должен был расписаться в том, что такой-то офицер на таком-то переходном пункте изъял у меня паспорт. Да, забыл сказать, что прежде чем начать разговор, офицер спросила, есть ли у меня другая виза в Аргентину и, увидев действующий штамп в моем российском паспорте, облегченно вздохнула. Еще бы – ведь если бы другого паспорта у меня не было – сколько у них головной боли добавилось бы с моим выдворением.

Во время всего длинного разговора весь погран/отдел был, на мое удивление, вежлив. Все подчеркивали, что в том, что у меня такой паспорт, нет моей вины. Эти «нехорошие дяди и тети» обманули меня, подсунув недействующий паспорт. Они же – «хорошие дяди и тети» и просто делают свою работу, которая заключается в том, чтобы изъять этот паспорт и внести невинно пострадавшего в черный список.

До закрытия границы оставалось не более получаса, и я тянул время, в надежде что завтра придет вторая смена или высшее начальство, с которым, возможно, я смогу договориться чтобы вернули мой паспорт. А пока мне предложили два варианта: либо я пересекаю сейчас границу и иду на все четыре стороны по Аргентине, либо меня с сопровождающими документами отправляют на другую аргентинскую границу, откуда я только что приехал, и там тоже гулять на все четыре стороны, но в Чили ни ногой.

Рабочий день закончился, и все засобирались домой. Поскольку возле одинокого домика таможни не было ни кафе, ни гостиницы, то мне, раз я не решил пока, куда мне двигаться, разрешили поставить палатку под навесом для машин. На прощание мне в складчину дали то, что осталось после обеда, а старший офицер рассказала мне на ночь пару страшилок о том, что происходит с «плохими мальчиками», которые посмели ходить по территории Чили без визы, сказала «до завтра» и укатила.

Я остался совсем один возле шлагбаума, который перекрывал дорогу в бескрайние не огороженные степи. У меня была целая ночь, чтобы определиться в какую сторону двигаться: на север или превратиться в «нехорошего мальчика». Одна часть моего «я» конечно подсказывала, что несмотря ни на что надо идти на юг и обмакнуть ноги в воду, сидя на самом кончике Южной Америки. Вторая, благоразумная часть, говорила, что тупо так рисковать, тем более, что план минимум уже выполнен – я побывал на Огненной Земле. Они спорили до полуночи, а затем решили, что утро вечера мудренее и уснули. От этих споров мой эмоциональный внутренний голос, наверное, устал сильнее и проспал.

В результате я послушался голоса разума, проснувшегося первым. Девушку-офицера это мое решение не сильно обрадовало, но и не сильно огорчило. Она сказала, что постарается найти мне сопровождающего как можно быстрее и свое обещание выполнила. Я-то думал, что со мной отправят какого-нибудь солдата, но меня просто посадили в кабину грузовика с водителем-чилийцем, в обязанности которого входило довезти меня до противоположной границы, а также позвонить иммиграционным властям в случае, если я, допустим, уйду в туалет и не вернусь.

И вот я еду 200 километров обратно по той же тряской, неасфальтированной дороге. Это занимает часов 5—6, и, конечно, мой эмоциональный голос успел проснуться от тряски и стал убеждать меня, что еще не поздно передумать и вернуться. Он прекрасно знал, что я смогу прекратить этот спор только, когда уже ничего нельзя будет изменить. В данном случае, когда я пересеку границу Аргентины. Кстати, насчет внутренних споров. Я думаю хорошо, что человек, в отличие от животного, наделен этими внутренними голосами. Хотя многих людей мучает то, что эти спорщики вообще не могут остановиться. Действительно, от бесконечного самобичевания – один только вред, поэтому очень важно, чтобы эти голоса были всегда заняты тем, чтобы приводить свои доводы по совершению поступков в текущем и будущем времени, а не по ковырянию в прошлом.

Но вот наконец и знакомый переходной пункт. Слава Богу, что сегодня здесь другая смена, а то, хоть и не моя вина, но все равно неудобно было бы в глаза смотреть тем, кто со мной фотографировался.

Опять Аргентина (Путь на север)

Estancia Monte Aymond- Rio Gallegos – Calet Olivia —Comodoro Rivadavia —Rawson —
Puerto Madryn —Bahia Blanca —Miramar – Buenos Aires —Colon

От границы до города Rio Gallegos я успел доехать еще до закрытия чилийского консульства и, конечно же, зашел туда, чтобы узнать, есть ли у меня хоть какой-то шанс получить визу. Ответ был такой же, как и в посольстве Чили в Эквадоре: граждане России, имеющие вид на жительство в Аргентине, могут получить чилийскую визу в течение 2—3 недель – не имеющие-же такового должны ждать ответ в течение 2—3 месяцев. Ответ меня удовлетворил – теперь я не смогу обвинять себя в том, что не использовал все шансы.

Все. Теперь генеральное направление на север, ну, а какие зигзаги мне доведется выписывать на карте Америки, зависит от очень многих факторов. Но в этом тоже прелесть путешествия. А те, кто едут по турпутевке, знают расписание своих транспортных средств, названия и цены в отелях, названия и расписание туров, они даже знают, чем их будут кормить – скукота! Если бы мне даже доплачивали за такую поездку – я бы не поменялся. Впрочем, каждому свое. Те, кто привыкли путешествовать таким образом, тоже бы не согласились путешествовать как я, если бы им предложили доплату.

От Rio Gallegos я решил двигаться по возможности ближе к морю, так как там легче найти место для палатки и дрова для костра. Кроме того, ветер будет отгонять комаров. Вот чего-чего, а ветра в этой части Патагонии предостаточно. А вот красивых пейзажей не наблюдается: на многие сотни километров тянется равнина, сплошь покрытая низкорослым колючим кустарником. Местность безводная, поэтому малопригодна для сельского хозяйства. Населенные пункты здесь весьма редки. Они, как правило, находятся в устьях немногочисленных рек, куда по вечерам возвращаются небольшие рыболовные суденышки.

Следующий относительно большой город, на моем пути – Comodoro Rivadavia, но и здешний порт рассчитан только на средние рыболовные суда, на одном из которых, как сказала мне охрана, весь экипаж русский. Это судно заходит в порт для разгрузки раз в полмесяца и ушло только позавчера.

Так что с земляками я не встретился, зато познакомился с очень симпатичной семьей: ее глава, сеньор Арнольдо, остановился возле меня на выходе из города, а поскольку вечерело, то пригласил меня домой и познакомил с семьей. Его жена и четыре симпатичные дочки, младшая из которых как раз сегодня отмечает совершеннолетие. Правда, мое присутствие оказалось подарком не для нее, а для старшей дочери, которая как раз обучалась английскому языку и теперь имела возможность попрактиковаться в живой речи. Застолье было шумным не из-за вина, а из-за темперамента сидящих за столом. Кроме меня в доме были еще гости – брат хозяйина, двоюродная сестра его жены и бойфренд предпоследней дочери. Она училась в музыкальном училище и имела неплохой голос, а ее дядя слегка играл на гитаре, поэтому ее то и дело просили спеть, а все остальные дружно подпевали. В перерывах между пением они обсуждали новости, шутили, спорили – в общем, почти все как в России. Пили в основном чилийское вино, так как глава семьи был чилиец, переехавший сюда еще в молодости. Он сказал, что переехал сюда из-за плохого правительства, но вино и люди там лучше, чем в Аргентине. Вино было действительно хорошее, так что не исключено, что правда и все остальное, хотя жене его суждение о людях могло и не нравиться. А детям—полукровкам это может и льстить, ведь если отец прав – значит они лучше, чем остальные аргентинцы. Впрочем, их это вряд ли беспокоит. В их возрасте и при их внешности вряд ли они комплектуют. Была суббота, потому мы засиделись за полночь. Хозяину в понедельник надо было ехать за соседнюю деревню в нужном мне направлении, и, естественно, я принял их приглашение остаться еще на одну ночь.

Арнольдо зарабатывал на жизнь тем, что покупал сыр в окрестных деревнях и сдавал его в магазины, его жена работала учительницей – это позволяет им дать образование своим детям плюс потихоньку пристраивать к дому еще пару комнат на случай увеличения семьи. Три старшие девочки тоже подрабатывали официантками, так что родители ими были довольны. Также, как и дети – родителями. Это была первая семья в Аргентине, где я провел две ночи, и, если судить по ней, то люди здесь, во всяком случае внутри семьи, относятся к друг другу с любовью и пониманием. Что же, я рад за них. К сожалению, в цивилизованном мире отношения между людьми все больше строятся не на любви, а на уважении, но не к личности, а к положению или деньгам. В понедельник я попрощался с гостеприимной семьей, а затем и с хозяином, вывезшим меня за пределы Риодевы.

Иду дальше по такой же пустынной местности. Если бы я не был один, то реже бы пользовался автостопом, но одному идти по такой однообразной местности слишком скучно. Следующую остановку я сделал в Porto Modrun, который известен туристам, как место, где можно увидеть различных морских животных. Но, как оказалось, чтобы их увидеть, надо ехать километров 20 на юг или вдвое больше на север. Возвращаться я конечно не стал, поэтому двинулся на выход из города в северном направлении.

Проходя по центру, я случайно познакомился с русскими, которые оказались рыбаками судна, стоящего здесь на ремонте. Они пригласили меня зайти в гости, но ко времени, когда они вернутся. Вечерело, док был по пути, поэтому я конечно же не отказался. Однако погостить на борту мне не довелось. Портовая охрана наотрез отказалась пропустить меня на территорию – не помогло даже письмо-приглашение от капитана, которые принес один из матросов. Ребят этот отказ огорчил даже больше чем меня, они ведь рассчитывали, что я покажу им видео с камеры. Но мы все равно пообщались – ребята (человек 10) пришли к моей палатке, которую я поставил в скверике по соседству. Они также принесли мне продуктов: ужин, который приготовил их кок-женщина и еще гречки, которую в Южной Америке не выращивают и не продают.

Наутро я пошел в сторону заповедника, расположенного на полуострове Bardes. Полуостров довольно большой – чтобы осмотреть все места, где обитали различные животные, требуется не меньше одного дня при наличии автомобиля. Я же собирался посетить ближайшее место, чтобы отдохнуть от надоевшей толпы. Впрочем, если автомобиль, который меня, возможно, подберет, поедет в несколько мест, то я, конечно же, не откажусь. Через часик возле меня остановился открытый джип, где сидела парочка из Буэнос-Айреса, взявшая напрокат, чтобы провести медовый месяц – вернее неделю. В столице жизнь напряженная – не до отдыха. Правда, они ехали понырять с аквалангами и покататься на досках, а не смотреть на животных, но мне все равно по пути.

К сожалению, я проехал с ними лишь до шлагбаума. На входе в заповедник со всех взималась плата за вход. Служащий без труда уловил мой акцент и сказал, что с туристов взимается тройная плата 30 долларов. Я сказал, что не считаю это правильным и отказался платить. Ребята, подвезшие меня, предложили доплатить разницу, но я поблагодарил их и сказал, что увижу их опять, так как собираюсь пройти бесплатно через пампу. Они пытались отговорить меня, так как считали, что это опасно, но они ведь столичные жители, а я у себя «дома». Я думаю, что, если бы даже пошел в кусты прямо на виду у персонала, они бы не полезли туда, но я не стал наглеть и отошел назад по асфальту с полкилометра.

Пампа только с дороги кажется однообразной – когда заходишь в этот сухой на вид мир, открываешь для себя целый мир красок и запахов. Запахи несильные, а краски неяркие, все в спектре от желтого до зеленого, но зато какое разнообразие шипов и колючек! Насекомым, обитающим здесь, колючки не мешали, ящерицам и змеям, похоже тоже, а вот козам и баранам, наверное, не очень нравились. Я заключил это из того, что редкие тропки были отмечены

клочками шерсти. Спасибо, козы, если бы не эти тропки, то мне бы пришлось затратить не час, а полдня чтобы преодолеть 2 км и выбраться опять на дорогу уже в заповеднике.

Правда, мне пришлось идти еще пару часиков, прежде чем меня подобрал грузовик, идущий в тот же городок, куда отправились мои новые знакомые. Разводить костер среди сухого кустарника я, разумеется, не стал, поэтому изрядно проголодался и по прибытию сразу же приготовил гречку с запеченным на углях моллюсками, которых нашел на мелководье.

Пообедав, я отправился осматривать городок Piramides. Он оказался совсем маленьким (по российским стандартам – поселок), но, наверное, только 10% – местные жители, все остальные – туристы. Я вовсе не собирался искать своих новых знакомых среди 5000 остальных туристов, так как понимал, что мне бы потребовалась для этого уйма времени. Но как всегда со мной случается в подобных случаях, я случайно встретил их уже через полчаса. Они сами окликнули меня с террасы небольшого ресторанчика, которых здесь великое множество, также как сувенирных лавочек и туристических компаний.

После обеда я попытался найти попутку до северо-восточной оконечности полуострова, где можно увидеть китов и пингвинов, но безрезультатно. Поэтому я пешком направился в обратную дорогу чтобы заночевать на побережье возле птичьего острова. Полпути я проехал на попутке, так что добрался туда еще засветло и заснул под крики чаек и других пернатых, облюбовавших, а значит и покрасивших своими испражнениями скалистый островок, находящийся всего в 200 метрах от берега.

На Сахалине, Курилах и Камчатке таких островков десятки. Но я не помню, чтобы там кто-то соорудил смотровую площадку с биноклем, через который можно наблюдать за жизнью пернатых. Впрочем, вряд ли кто там бы стал тратить \$1 за 5 минут, а здесь платят. С одной стороны, вроде, обдираловка, но с другой стороны – не все же с собой бинокли таскают.

Следующую ночь я провел в яблочном саду в городе Ведма, где надоевшая пампа наконец-то сменилась полями и фруктовыми деревьями. Правда местные жители жаловались на пыльные тучи, которые ветер приносил с распаханых полей. Ведма наколдовала, и весь следующий день я шел пешком, но это еще не все. Под вечер вдруг пошел холодный проливной дождь, и ночевать бы мне мокрому в сырой палатке, если бы уже в темноте я не дошел до только что построенной заправки. Ее владелец – приветливый человек средних лет, сам обслуживал немногочисленных пока клиентов, так как у него не осталось денег на оплату обслуживающего персонала. По той же причине у него не было сторожа, поэтому он ночевал в подсобке. Мой приход обрадовал его, мой вид, по-видимому, внушил ему доверие, и он «взял отгул». Рано утром он вернулся довольный тем, что переночевал под боком у жены, а я ушел довольный тем, что после ночлега в подсобке мне не пришлось готовить завтрак – Арнольдо принес мне домашней стряпни.

Вот чем хороша дорога: она все время приносит тебе массу впечатлений и встреч, а также дарит ежедневные маленькие радости. А в обыденной жизни разве стал кто-то радоваться, что поспал в чужой подсобке? Наутро один из клиентов вывез меня на трассу, и я двинулся в сторону Буэнос-Айреса, до которого оставалось тысячи полторы километров.

Следующую ночь я провел в маленьком домике в небольшом городке с громким именем Сьерра-Гранде. Сюда под вечер меня довезла следующая попутка, и я, как обычно, стал искать место для ночлега на окраине. Помню, пожилая сеньора вынесла мне винограда и инжира, а когда я спросил ее, где можно поставить палатку, и я еще подумал, что место похоже на Абхазию. Там такие же неасфальтированные пустынные улочки и приветливые люди. Но каково же было мое удивление, когда синьора, узнав, что я русский – сказала, что здесь живет один «руссо».

Найти «руссо» не составило труда – это ведь не Штаты, где люди порой не знают имени соседа. Аркадий обрадовался незваному гостью – он женат на местной индианке, которая по-русски не понимает ни слова, но все их трое детей имеют русские имена. Правда по-русски

они тоже не говорят, так что и папа порой вставлял испанские слова при разговоре со мной. Раньше он работал на шахте, но недавно ее выкупили китайцы и сократили весь обслуживающий персонал. Сейчас он перебивается случайными заработками и пособием по безработице. Наутро я поехал дальше, «вооруженный» адресом друга Аркадия в Буэнос-Айресе.

Ближе к столице движение стало более интенсивным. Поэтому при том же проценте подбитаемости (один автомобиль из тысячи), в день я менял 3—5 машин. Правда, из-за того, что сеть дорог имеет форму паутины, преодолеваемое за день расстояние уменьшалось.

Ну вот я и в одном из пригородов Буэнос-Айреса. Отсюда голосовать бесполезно, пешком идти по обочинам скоростных дорог не разрешено, да и небезопасно, поэтому я отправился по адресу, который дал мне Аркадий, сначала на электричке, затем на автобусе.

Электрички в Буэнос-Айресе очень похожи на российские: как по виду, так и по системе оплаты. Вот только контролеров в них намного меньше, потому что мало «зайцев». А вот по количеству мусора вдоль железнодорожного полотна Россия им, пожалуй, уступает. Такое впечатление, что территорию, огороженную сеткой в два человеческих роста, не чистили со дня основания дороги. Хорошо хоть, что здесь нет санитарной зоны, и есть емкости под туалетами, которые, по-видимому, опорожняются в специальных местах и, возможно, еще приносят прибыль – органические удобрения.

Автобусы меня больше порадовали – чистенькие, водитель внятно объявляет остановки. Пассажиры входят в переднюю дверь и бросают монетки в автомат, не отвлекая водителя. Правда, можно войти и через заднюю дверь, смешавшись с теми, кто сходил для того, чтобы пропустить выходящих. Я для интереса воспользовался этой возможностью, но не заметил неодобрительных взглядов или чтобы кто-то пошел и доложил водителю.

Вообще вся публика в автобусе доброжелательна, и молодежь уступает место пожилым людям, калекам и беременным, но женщинам своего возраста мужчины место не уступают. Также за всю поездку я не заметил, чтобы кто-то, как и я, попробовал зайти через заднюю дверь и проехать «зайцем». Правда, я не знаю, это из-за сознательности или из-за боязни штрафа. Например, в ванкуверских (Канада) электричках контролеры появляются крайне редко, но штраф аж 1000 долларов, и не отвертеться. Поэтому там быть «несознательными» могут позволить себе лишь бездомные – что с них взять! Может, и здесь такая же ситуация.

Приехав в пригород столицы, расположенный на северо-западе от центра, я без труда нашел дом, указанный в адресе, который мне дал Аркадий. Я постучал, заговорил по-русски и меня впустили. Поскольку они обедали, то сразу же посадили за стол, и только за разговором я понял, что Аркадий не предупредил их о моем приезде, и они приветствовали незнакомого человека. Что же, двойное им спасибо за это!

Мы быстро исправили ситуацию, то есть познакомились, и к вечеру уже знали друг о друге довольно много: Анна и Артем (Артемио для местных) жили в Аргентине уже 10 лет, правда, в этом доме – недавно. Он достался им в наследство от родственников, живущих здесь очень давно. Аня работала в детском саду, Артем был представителем от лица кавказской национальности, «которое» собиралось купить, построить или переоборудовать какой-нибудь старый мясокомбинат с целью поставлять дешевую аргентинскую говядину в Россию. Правда, Артему пока платили не очень, но в будущем обещали «золотые горы». Я не стал огорчать Артемио своими знаниями о том, что чем выше горы, тем ближе они кажутся, а потом идешь, идешь, идешь к ним, а они не приближаются.

Думаю, что житель гор, который нанимал Артема, наверняка учел это и подарил человеку надежду, а надежда – это хорошо. Правда, разочарование – плохо. «Надежда умирает последней», – это изречение верно. Но иногда до смерти надежды рождается разочарование, и человек так и живет с этими разнополюсными двойняшками внутри: разочарованный, но все еще надеющийся. Поэтому я бы порекомендовал всем изначально настраивать себя следующим образом: я постараюсь взойти во-о-о-он на ту сияющую вершину, но даже если я по сте-

чению обстоятельств не смогу это сделать, наверняка я увижу много интересного по пути туда. А может получится, что вон с того холма впереди откроется море, и я захочу пойти в его бескрайние дали на паруснике.

Поверьте, я встречал много людей, которые всю жизнь тупо идут к вершине, которую они наметили, или, еще того хуже, для них наметили их родители. И теперь человек тупо идет туда, хотя давно понял, что выбор был неправильный. Почему не остановиться и не выбрать другое направление? Тут разные причины: упрямство, страх, типа «а что люди подумают» или «если сейчас пойду к другой цели, успею ли, ведь полжизни осталось» и т. п.

В результате только очень сильный человек меняет направление. Просто сильный будет упрямо ползти дальше вверх. Слабый, осознав, что это не его цель, покатится вниз. Надо изначально настраивать ребенка на то, что когда-нибудь, осознав свое истинное предназначение, он, возможно, сменит направление, и пойдет другой дорогой и обязательно осилит ее, потому что это ЕГО дорога! Я не претендую на роль большого учителя, но советую родителям и педагогам задуматься над моими словами.

Прошу прощения у читателей, которым возможно не нравятся мои философские отступления – вот я опять не в прострации, а здесь, в Буэнос-Айресе. На второй день, оставив рюкзак у своих новых знакомых, я поехал в уругвайское посольство чтобы «открыть дверь» в следующую страну по моему маршруту. Вначале в посольстве мне хотели дать от ворот поворот, сказав, что выдают визы только иностранцам, проживающим здесь, то есть имеющим вид на жительство. Но такие требования для меня не впервой, и я сказал, что могу принести из Российского посольства письмо с просьбой помочь мне.» Уругвайцы» посмотрели газетные вырезки, которые я на всякий случай всегда ношу с собой, увидели в паспорте визы солидных стран, в том числе десятилетнюю визу в США, и согласились. Но сказали, что они сами все равно не имеют право принимать решение и после приема документов отошлют их, в том числе оригинал паспорта, в Монтевидео, и мне придется ждать 15 дней.

В российское посольство сегодня идти было уже поздно, поэтому я заглянул в консульство Бразилии, находящееся в этом же районе. Бразильцы особых препятствий для получения визы не видели, но я решил пока не подавать, так как могу это сделать в Уругвае, тем более, что у «уругвайцев» я уже узнал, что даже наличие бразильской визы не дает мне право на быстрое получение транзитной визы, которая в разных странах может быть продолжительностью от 3 до 10 дней. А 10 дней мне бы вполне хватило – Уругвай не такая уж большая страна, да и достопримечательностей в ней раз, два и обчелся. Власти прекрасно знали это, поэтому при цене \$70 за 90-дневку, установили \$50 за транзитную.

Вообще-то острой необходимости в посещении Уругвая у меня нет, так как его можно обойти по аргентинской провинции Миссионес, которая длинным рукавом протянулась между Парагваем и Уругваем. Если я приму решение двинуться по этому рукаву, то обойду и Парагвай, в котором тоже нет интересных достопримечательностей, и к тому же сэкономлю деньги и время на этом. Но поговорка «время – деньги» не по мне, поэтому я постарался побывать во всех странах Южной Америки.

Другое дело, мне надо спросить у Артема с Аней, как они отнесутся к двухнедельному пребыванию у них незваного гостя. Если они будут не против, то я смогу осмотреть подробно весь город. Если же я пойму, что мое затянувшееся пребывание для них нежелательно, то съезжу в окрестные города. Как я и предполагал, мое присутствие хозяев не затрудняло, так как я спал в летней кухне и в свободное время приводил их сад в порядок. К тому же у них на втором этаже все равно жил квартирант – Юрий, который прибыл сюда 3 года назад и перебивался случайными заработками. Мировой экономический кризис и засуха не добавили рабочих мест в этой некогда очень благополучной стране, и он был одним из многих, поэтому те, кому повезло больше, в меру сил помогали тем, кому не повезло. В общем, все жители дома

дружно заявили, что мое пребывание для них приятно, так как внесло разнообразие в их размеренную жизнь.

На второй день с утра я поехал в российское посольство, и работники не отказали мне в моей маленькой просьбе. Мало того, они сделали больше, чем я ожидал. Консул, лично знающий уругвайского консула, позвонил ему и попросил ускорить процесс. Однако ему ответили, что они бы с удовольствием, но отсылать документы в столицу все равно придется, а там в эмиграции свои правила. Русский консул также сказал, что консул, с которым он разговаривал, не говорит по-английски, но зато достаточно хорошо знает русский, так что проблем с коммуникацией не будет. Да, побольше бы в наших консульствах таких работников, которые от души стараются помочь соотечественникам. Уругвайский консул тоже оказался очень милым человеком, правда немного задержанным. Его то и дело просили объяснить что-то другие пять работников. Так что у меня сложилось впечатление, что, либо они недостаточно компетентны, либо не привыкли сами решать. Ну, да ладно, мне-то что? Я оставил свой паспорт и номер телефона на случай, если решение придет раньше срока, и вернулся домой.

Все. Официальная часть закончена. Теперь можно и отдохнуть, тем более, что через два дня – 8 марта. Оказывается, здесь, как и в России, в этот день принято дарить цветы, но не подарки (хотя, конечно же женщины не будут против). Наверное, это из-за того, что здесь нет 23 февраля – какое же тогда равноправие, о котором здесь тоже часто говорят, особенно с тех пор, как женщина встала на пост президента. Ну, вообще-то по своему характеру здешние женщины не такие ярые феминистки, как в Северной Америке.

Каким-то образом узнав о моем присутствии, на 8 марта меня пригласили в клуб «Зава-линка». Его недавно организовали вновь прибывшие русские. Как я узнал на вечере, где собралось человек двадцать, этот клуб создали в противовес давно существующему в Буэнос-Айресе «Русскому дому», организованному еще при первой волны эмиграции, так как некоторые новоприбывшие чувствовали себя там не своей тарелке. Эта ситуация не нова: есть такое и в Австралии, и в Канаде.

Здесь же на вечере я узнал, что в Аргентине тоже существует дефицит мужчин, правда, не в такой степени как в России. Впрочем, может этот дефицит коснулся только русских женщин. По моим наблюдениям местные жены с большим пониманием относятся к женщинам, которым не досталось мужчин. То есть смотрят сквозь пальцы, если муж «помогает» такой бедолаге. Да, есть свои плюсы в одиночном путешествии: я имею в виду, что есть повод собой гордиться, когда в очередной раз сумел противостоять искушению. А Вы что подумали? Ай-ай-ай! Вот Юре, который тоже пошел на вечер, противостоять не надо – он холостой, а я даже не мусульманин, чтобы думать еще об одной жене. Ладно, шутки в сторону.

Праздник закончился, и у меня как минимум еще целая неделя на осмотр достопримечательностей. Начну, пожалуй, с самой широкой городской улицы в мире. Посмотрел я на эту «Avenida 9 de Julio», но она меня не впечатлила. Да, она действительно широкая за счет широкой аллеи посередине. Но зачем? Скорее всего, из-за слова «САМАЯ». Любят люди на цыпочки становиться. Примерно посередине этого пятикилометрового проспекта установлен монумент. Вот, пожалуй, и все, что я могу вспомнить о ней.

Мне лично гораздо больше удовольствия доставляет бродить по мелким улочкам, наблюдая за жизнью простых обывателей. Это я и делал каждый вечер после того, как уставал от туристов, толпами бродящих по указанным в путеводителях достопримечательностям. Вообще-то, Буэнос-Айрес – приятный и чистый город. Здесь много парков, сквериков и аллей. Кроме того, деревья сохранены на всех улицах, и многие, несмотря на осень, пышно цветут. Конечно, если бы он был расположен на холмах, то было бы живописнее, но природа не наделила холмами устье реки Рио Де ла Плата, которое аргентинцы выбрали для своей столицы.

Не буду описывать все места, которые я посетил в столице – вы можете прочесть о них в интернете. Расскажу лишь о том, которое мне особенно понравилось – это район порта,

от которого, скорее всего, и начал расти город. Все строения здесь имеют неповторимый колорит, поскольку были построены в позапрошлом веке. К тому же все здания окрашены в разные цвета. Вернее, каждое здание окрашено в несколько цветов. Цвета очень яркие и сочетания их различное. Так что дома, как попугаи. Возможно, вы представили, что все стены дома разного цвета, или крыша окрашена в другой цвет, чем стены? Нет. Это было бы еще ничего. В том-то и дело, что одна стена может быть окрашена в различные цвета.

Возникает вопрос «зачем». Оказывается, не «зачем», а «почему». Дело в том, что это район доков, и краску, оставшуюся после покраски судов, продавали, а может, воровали. Поскольку она водостойкая, то, естественно, ее использовали для наружной покраски. Вот, представьте: вы – докер, живете в коммуналке, и у вас есть немного краски, а у вас крыша течет. Естественно, вы покрасите только свою часть крыши, а остаток используете на подоконники и закрасите часть дома, где находится ваша квартира. В Советском Союзе за такую самодетельность, как минимум, вызвали бы на местком и заставляли бы перекрашивать. Здесь же власти стали использовать это для привлечения туристов.

Кстати, это единственное известное мне место в Аргентине, где почти каждый день на улице танцуют аргентинское танго. Так что могу огорчить туристов, думающих, что в Аргентине танго – повсеместное явление. Это далеко не так.

А вот «осадо» здесь действительно готовят в каждой семье как минимум один раз в месяц. Вот и Артем с Аней, когда узнали, что я не пробовал всех составляющих и не видел всего процесса, решили приготовить его в мой последний день в Буэнос-Айресе. Я уже описывал, как готовится это блюдо, поэтому не буду повторяться. Скажу только одно – я сам удивился, что смог за один вечер съесть такое количество мяса.

Не думаю, что эта традиция приносит пользу для здоровья, так как «ужин» заканчивается почти в полночь. Однако на деторождаемость она влияет положительно – надо же куда-то тратить полученные калории. Ну, а мне они потребуются для завтрашнего марш-броска к мосту через реку La Paraguay, которая является границей. Конечно, я мог просто купить билет на паром, который несколько раз в день снует между двумя столицами. Но это слишком просто.

Рано утром я покинул уже изрядно надоевший мне город на электричке и, выехав за его пределы, шел пешком до самого вечера. К моему удивлению движение на этой дороге было довольно пассивное. Поселков здесь тоже не было.

Я уже собрался заночевать в палатке на обочине, но тут увидел огонек и зашел в небольшой домик, что стоял возле железной дороги, которая шла параллельно автомагистрали. В домике жила семья путевого обходчика. Его жене на железной дороге работа видимо не досталась, но она пекла очень вкусный хлеб, который из солидарности покупали его коллеги.

Вообще в Аргентине, как я заметил, да и Аркадий с Артемом рассказали, люди помогают друг другу. Здесь не принято просить деньги взаймы, но если сосед зайдет к более богатому, или имеющему работу соседу и спросит, нет ли у него какой-нибудь работы, то тот обязательно найдет, что сделать. Скажем, починить ограду, помыть машину или что-то еще. Разумеется, он легко мог бы сделать это сам или оставить на потом, но соседу-то надо помочь. К тому же, необязательно платить деньгами, можно просто дать продуктов или старую одежду. Так что такой обычай выгоден обеим сторонам.

Вот, написал это, и сразу же в памяти всплыл эпизод, увиденный во Владивостоке в перестроечные времена: подросток лет двенадцати подошел к киоску и стал кланить денежку. Продавец, по виду очень добрая женщина, дала ему тряпку и сказала, что заплатит ему, если он помоем стекла. Вроде бы ничего особенного, но подросток грязно выругался, бросил мокрую тряпку в лицо бедной женщине и убежал. К счастью, тяжелые девяностые ушли в прошлое, но тот подросток-то жив, а та добрая женщина, скорее всего, уже умерла от сердечного

приступа. Здесь в Аргентине сейчас тоже не лучшие времена, но озлобленных я не замечал. Наверное, людям все-таки легче перенести бедность, чем смену идеологии.

Хозяева угостили меня ужином, после чего я, по своему обыкновению, наколот дров, натаскал воды и сделал еще какую-то работу по дому. Это я всегда делаю, в знак благодарности за гостеприимство, ну, и чтобы размять мышцы, не работающие во время ходьбы, а не для того, чтобы заработать. Однако хозяева, по-моему, восприняли это именно так, потому что на утро дали мне хлеба и пытались сунуть какие-то деньги. От свежее испеченного хлеба я не отказался, а деньги им самим нужны – вон четверо детей подрастает. Кстати, для этой части Аргентины четыре ребенка уже много.

На утро меня подобрали довольно быстро, но водитель огорчил меня, сказав, что этот мост уже как два месяца перекрыт пикетом бразильских демонстрантов, протестующих против того, что Уругвай построил на их общей реке целлюлозный комбинат, который загрязняет воду. Водитель (уругваец) также сказал, что это просто политический ход. На самом деле Буэнос-Айрес еще больше загрязняет реку, так как все отработанные отходы сбрасываются в воду.

Я думаю, что это правда, но окружающей среде, в том числе и людям, от этого не легче. Хорошо, хоть океан недалеко. Он пока еще справляется с ролью ассенизатора. Меня, как жителя планеты, это также касается, но сейчас я был не на стороне протестующих, из-за которых я должен сейчас ехать лишние 200 км до следующего моста.

Это расстояние я преодолел к следующему дню и заночевал в аргентинском приграничном городе «Колон». В этот раз запасные дни мне были не нужны. Для осмотра этой маленькой страны вполне хватало и месяца, а мне дали визу аж на 90 дней. Прежде чем покинуть Аргентину, я спросил у таможенников, дает ли моя незаконченная, но одноразовая виза право на еще один вход в страну, и они ответили утвердительно. Но это если я надумаю опять зайти из любой пограничной страны. Если-же я из Уругвая улечу в Венесуэлу и обратно оттуда полечу в Буэнос-Айрес – меня уже без новой визы не пустят. Ну, в Венесуэлу мне пока не надо, но если бразилыцы к себе не пустят, то мне придется идти в Парагвай через Аргентину.

Уругвай

Дистанция по Уругваю примерно = 1500km: Paysandu —San Javier de Ofir —Mersedes —Rosario —Montevideo —Maldonado —Rocha —Chui- Coronilla —Vergara —Melo —Tacuarembó —Salto.

Вот и Уругвай. Похоже, соседские пограничники соревнуются между собой в вежливости – офицер сам заполнил мою анкету, дал карту страны и поставил галочки в местах, которые стоит посетить. Кроме того, увидев, что я русский, сказал, что здесь в трех часах езды находится старое русское поселение. Чтобы посетить столицу, мне теперь надо возвращаться на юг, а эта деревня примерно в том же направлении, правда не на основной трассе. Но ничего – время у меня есть. Если бы я решил ехать напрямик в Монтевидео, то проблем с транспортом не было бы, так как на границе стояла очередь из грузовиков. Но трасса по которой пошел я, была не очень оживленной. Но все-таки через пару часов хода меня подобрал молодой водитель-аргентинец. Он высадил меня на нужной развилке и, пройдя еще часа четыре, я вошел в поселок, на входе в который стояли русские матрешки в человеческий рост, и красовалась надпись на испанском и на русском «Добро пожаловать в Сан Ховер».

Я спросил первого попавшегося прохожего, где я могу увидеть русских, и он сразу же направил меня в ближайший магазин, сказав, что хозяин говорит по-русски. «Русский» оказался украинцем, и хорошо, что я «разумею украинску мову». Иначе бы нам пришлось говорить на испанском, и тогда бы я упустил половину информации.

Оказывается, русское поселение здесь возникло в 1911 году. Тогда сюда сразу же приехало 300 человек. Они приплыли на судне из России вместе со своим лидером – священником церкви «Новый Иерусалим», которую не хотели признавать официальные власти и православная церковь. В тот же день я познакомился еще с несколькими представителями второго и третьего поколения прибывших в далеком 1911. К сожалению, лишь немногие из них говорили по-русски. Все они имели лишь отдаленное представление о современной России, но относились к ней, как к чему-то непонятному и слегка враждебному. Я попытался расспросить подробнее, чтобы понять причину неприязни, ведь их родители убежали еще из царской России. На это они ответили, что их лидер чувствовал приближение «красной» угрозы и вовремя увел их от беды.

Как бы то ни было, 300 человек погрузились на судно, обосновались здесь и постепенно смешались с местными. Но, по-видимому, прошлое поколение все же заботилось о сохранении языка, так как здесь имеется «клуб имени Горького», и на улицах в нескольких местах установлены вышеуказанные матрешки, над которыми имеются не всегда грамотные надписи, например, «мы его (ее) друзья». Я решил сходить на берег реки, куда почти 100 лет назад причалило судно с переселенцами. Это место находилось в 5 км от поселка и называлось «старый порт». Оказывается, оно долго пустовало из-за того, что иногда затоплялось водой, но сейчас уровень реки понизился, и его выкупил предприимчивый потомок одного из переселенцев и построил «кемпграунд».

Переночевав там, я отправился в соседнюю деревню, где жили русские староверы и познакомился с некоторыми из них. Они поселились здесь немного позже и сохранили язык, обычаи и свои косоворотки, но на мой взгляд впали в другую крайность. Их дети прекрасно говорят и читают по-русски, но им запрещено ходить в обычные школы, поэтому по-испански писать и читать они не умеют. Я думаю, что родители делают это для того, чтобы, когда дети достигали совершеннолетия, у них было меньше соблазнов покинуть поселок. Какие у них перспективы в городе без профессии и знания языка? Как я уже говорил, на мой взгляд – это перегиб, но я не видел, чтобы молодежь чувствовала себя ущербной. Они не имеют прав вождения

автомобиля, но с 14 лет садятся за руль трактора, а девочки в этом же возрасте уже замужем. Дома себе тоже сами строят, так что функции, возложенные на человека поговоркой «посадить дерево, построить дом и родить сына», они выполняют. Не всем же космонавтами быть.

От староверов я отправился дальше в сторону столицы и до того, как вышел на оживленную трассу, познакомился еще с одним фермером- чехом. Он перебрался сюда тоже довольно давно, и, чтобы не забыть русский язык, который учил в школе, общался с теми из русских, которые еще не забыли родную речь. Хотя родная она была только для их дедов, а для их детей и внуков она перестала уже таковой быть. А жаль. Фермерство до недавнего времени было не очень прибыльным занятием, поэтому в округе много пустующей земли, хоть она здесь довольно дешева. Но недавно спрос на земельные участки и, как следствие, их цена, резко повысились. Это случилось по двум причинам:

1. Постройка целлюлозного завода, которому нужна любая древесина, в том числе эвкалипт, который до этого шел только на дрова;

2. Китайцам для производства «тофу» и других изделий стало не хватать соевых бобов, которые они выращивали у себя, и в поисках дешевого сырья они обратили свой взгляд в том числе и на Уругвай. Ну, а спрос рождает предложение. Теперь «соевое мясо», сделанное в Китае, может быть выращено где угодно. Сырец ведь очень легко транспортировать.

Позже я встретил еще несколько фермеров, и они показались мне весьма «продвинутыми». Поняв, что «игра стоит свеч» они взяли кредиты и, прикупив земли, купили современную технику, кстати очень дорогую: один агрегат, напоминающий комбайн, стоит триста тысяч американских долларов. По словам фермеров, эта умная машина может обработать за сезон 10 000 гектаров. Ее функция заключается в обработке посевов ядохимикатами, которыми пользовались и раньше, но вручную. Эта машина очень быстро едет по полю, а бортовой компьютер выдает точную дозу необходимого химиката, который разбрызгивается из ее крыльев, похожих на стрекозиные. Закончив обработку своего поля, хозяин может дать «стрекозу» в аренду более бедным соседям. Производители машины видно учли эту возможность, потому что наделили свое детище транспортной скоростью аж 80 км/час. Я проехал на ней в качестве пассажира километров тридцать. Страшновато сидеть на такой скорости в высоко расположенной кабине, а еще страшнее, наверное, встречным водителям. Разумеется, свои 20-метровые крылья «стрекоза» в «полете» складывает, но все равно страшновато.

В Монтевидео меня ввез приветливый инженер-электрик, подбравший меня в дождливый день на пустынной трассе. Оказывается, он видел меня утром, когда ехал на работу и, увидев снова, когда возвращался понял, что я весь день шел под дождем. Мне повезло вдвойне, так как он жил как раз напротив российского посольства и даже имел там связи. Вернее, не он, а его кобель однажды во время прогулки поимел собачку, принадлежащую работнику посольства. Как вы сами понимаете, эта случайная связь не давала мне никаких преимуществ, и я отправился к воротам посольства один. Хуан же пошел ужинать домой, но мы с ним договорились, что встретимся возле его машины через час на случай, если мне потребуется его помощь.

Несмотря на то что приёмные часы в консульстве уже закончились, охранники впустили меня внутрь и провели в приемную. Вскоре ко мне вошел консул. Он очень вежливо поговорил со мной и позвонил в клуб М. Горького, представив меня как известного путешественника. Я договорился с председателем клуба о встрече на вечер и, поблагодарив консула, поспешил на встречу с Хуаном.

До клуба было не более часа хода, но Хуан захотел подвезти меня, так как недавно развелся и был сейчас в таком же состоянии, что и его кобель. Я имею в виду – свободен. По дороге он попросил меня постараться познакомить его с русской женщиной, так как он слышал, что русские не такие меркантильные, как его соотечественницы, особенно городские. Кстати, позже в клубе я познакомился еще с одним уругвайцем Хорхе, профессором лет пятидесяти. Он был точно такого же мнения об уругвайских женщинах.

Клуб М. Горького находился почти в центре города и занимал два этажа в одном из старинных зданий. «Хозяйка» клуба и члены правления встретили меня хорошо, а поскольку через пару дней было 8 марта, то они разрешили мне пожить здесь два дня при условии, что я помогу им готовиться к праздничному ужину, который они организовывали по этому случаю. Конечно же я согласился. Мне это не составит труда, к тому же интересно, а за это время я получу парагвайскую визу, из-за которой мне и нужно было находиться в столице еще 2 дня.

Вечер 8 марта прошел успешно. Я имею в виду, что все затраты и хлопоты членов правления окупались. Пришло гостей даже больше, чем ожидалось, и все с аппетитом уплетали русские деликатесы. Среди 50 человек гостей трудно было отличить русских от уругвайцев, они тоже выходцы из Европы, и все присутствующие, в основном, общались на испанском. Да и возраст у всех был, в основном, за 50. Единственное, что мне понравилось на вечере – игра балалаечного оркестра, который весь вечер довольно искусно исполнял старинные русские произведения. На этом вечере я и познакомился с вышеупомянутым профессором – Хорхе. Он приходил сюда ради пианистки Марины, которая ему нравилась до такой степени, что он даже начал изучать русский язык.

Кстати, кроме отзыва о местных женщинах, он также неодобрительно отозвался о том, как колонизаторы варварски отнеслись к аборигенам. Они просто истребили всех индейцев, невзирая на пол и возраст. Уругвайцы даже отчасти кичатся этим, так как не имеют сейчас проблем с коренным населением, в отличие от более мягкотелых аргентинцев. Каюсь, я не знаком с историей возникновения этой страны. Знаю только, что ее название – «Республика Ориентал де Уругвай» связано с тем, что страна находится к востоку от Аргентины.

Получив визу, я сразу же покинул столицу, не став дожидаться карнавала, которым она славится. Ничего, я застал подобное в следующем по маршруту городе Punta del Este, который всемирно известен очень хорошими пляжами. Правда сейчас был дождливый сезон, так что отдыхающих было не так много. В связи с этим часть обслуживающего персонала в гостиницах, возможно, была в отпуске. Во всяком случае я незамеченным поднялся на крышу 5-тизвездочного отеля и, поставив палатку, даже заночевал там. Обычно для того, чтобы сделать снимки, я просто прошу администратора показать мне номер с видом на море на самом высоком этаже, но в этот раз и спрашивать не у кого было, так что грех было не воспользоваться.

От «Punta del Este», расположенного на полуострове, я отправился дальше на юг по белому песку пляжа и зря не посмотрел перед этим на подробную карту города, из-за чего мне пришлось дать большой крюк чтобы выйти к мосту через реку. Этот мост местные остряки называли «Сэкси бридж». Наверное, из-за его формы. При большой фантазии можно представить, что это две большие груди или ягоды. Но мне лично он напомнил два лыжных трамплина, на которых я в детстве катался на лыжах. Если игнорировать дорожные знаки, то на этих трамплинах на скорости действительно можно высоко «подпрыгнуть» и приводниться мимо моста. Наверное, из-за этого сделали два отдельных моста для встречных потоков.

Воспользовавшись тем, что автомобили идут медленно, я поймал попутку на выезде с моста, которая довезла меня почти до границы Бразилии. Водитель оказался художником из Канады, который вот уже 30 лет живет в Уругвае, предпочтя белый песок белому снегу. Правда, песок на берегу моря, где стоял его двухэтажный дом, был уже не такой белый, как на полуострове, но и дом с участком в этом небольшом поселке стоил в 10 раз дешевле – «всего \$ 5 000». 30 лет назад участок и постройка этого дома обошлась ему всего \$ 5 000. Наутро хозяин вывез обратно на дорогу, идущую к границе, и через 4 часа хода мне поставили штамп о выезде дружелюбные уругвайские пограничники.

До самой линии границы, которая разделяла пограничный городок «Chui» на две части, было еще километров пять, поэтому я спросил, пустят ли они меня обратно, если бразильцы откажут мне в своем гостеприимстве. Пограничники заверили меня, что до конца действия моей визы я – желанный гость в их стране.

Я пошел в сторону границы, заглядывая в ларечки с приветливыми продавцами, и не заметил, как перешел на бразильскую часть «Чуя». Похоже, здесь никого не заботит, что прямая граница, проведенная на карте, иногда делит здание пополам. Проверочный полицейский пост, который стоит на выходе из городка, несет функцию погранпоста, но вот полномочиями на то, чтобы ставить штампы в паспорта редких здесь иностранцев не обладает. Но он не обладает и полномочиями останавливать, а обязан проинформировать туриста, что тот должен заехать в полицейский участок в поселке Santa Victoria de Palmas, где старший чин имеет этот самый штамп.

Кусочек Бразилии

Дистанция по Бразилии примерно = 70km: Chui – Santa Vitoria do Palmar <-> Chui

До вышеуказанного поселка аж 30 км, то есть пешком целый день. Поэтому я попросил полицейских помочь мне поймать попутку, а сам стал голосовать на выезде из КПП. Впрочем, проверочным постом его назвать можно с большим натягом, так как, пока я там стоял, я не видел, чтобы кого-то проверили. Через час возле меня остановилась машина, и двое приветливых ребят сказали, что по просьбе полицейских подвезут меня до участка. Это оказалось очень кстати, так как от шоссе до полиции было еще километров пять.

Полицейский босс был чем-то недоволен и, взглянув на паспорт без визы, довольно грубо отказал мне. Я сделал ему замечание, и что тут началось: типа, «мы тебя посадим»! Чтобы охладить его пыл, я достал из рюкзака папку с вырезками из газет, где было написано, что я известный путешественник. Это подействовало, он перестал кричать, что меня посадят, но со злостью сказал, что по закону я должен покинуть страну немедленно.

Я сказал, мол, хорошо, довезите меня до границы, потому что, если я буду идти пешком, мне потребуется 7 часов, и я не буду идти ночью. Он ответил, что это мои проблемы, но если я сейчас же не покину участок, меня выведут силой. Я вышел за ворота и, каюсь, еще подразнил его, достав камеру и сделав вид, что снимаю полицейский офис, ведь запрета на съемки зданий в этой стране не существует.

Уже в темноте по тихим пустынным улицам я добрался до шоссе, и через часик меня подобрал и довез бесплатно до границы рейсовый автобус. Еще час, и я на входном пункте в Уругвай.

Опять в Уругвае

Здесь, в отличие от бразильского КПП, имелась небольшая очередь из грузовиков, так как ночью документы подписывать некому. Когда я проходил мимо грузовиков, ко мне подошла девушка с предложением, а дальше между машин я увидел ее коллегу «за работой». Цена была настолько дешевой, что вызвала сомнения в качестве обслуживания, поэтому я попросил, чтобы меня не беспокоили в палатке и пошел спать.

Наутро, когда я подошел к таможенникам, которые пили мате, там как раз оформлялся тот самый шофер, которого обслуживала девушка. Я конечно же не узнал бы его, но, когда подошел, он сказал пограницам, что я видел его за этим занятием. И стал подробно рассказывать детали. Я терпеть не могу слушать такие истории, которые в России тоже принято рассказывать, но обычно хоть в своей компании. А здесь треплются с кем попало – тьфу на таких мужиков, что – хвастаться больше нечем?

И еще одна черта мне не понравилась в характере уругвайцев (по сравнению с аргентинцами): они никогда никого не угощают матэ. У каждого под мышкой свой личный термос и своя личная неприкосновенная мантышница. Смешно видеть, как на улицах половина прохожих таскает с собой эти две вещи, а водители-дальнобойщики, так те вообще не выпускают термос из-под мышки даже во время езды. Хотя, наверное, уругвайцам, приехавшим в Россию, тоже наверняка покажется странным, что столько людей на улицах ходят с пивными бутылками.

Насчет меркантильности женщин не знаю, не проверял. А вот то, что к воде здесь мне хлеба ни разу не предлагали – это факт. Хотя, что это я зря на страну наговариваю? Абсолютно то же самое в Штатах, Канаде, многих европейских странах. В богатых странах обывателям просто в голову не может прийти, что человек, попросивший воды, может быть голоден. Ну а мне, вне зависимости от того, понравилась страна или нет, надо пройти или проехать по дорогам Уругвая еще около 350 км. Выше я уже писал, что 30 из них я проехал на «стрекозе» по сельским дорогам, ну а остальное – как пришлось.

Населенных пунктов в этих местах мало, дороги заасфальтированы не все, но невозделанных участков земли здесь намного меньше чем в Аргентине. Ну, вот и граница – прощай, Уругвай! Извини, я не могу тебя рекомендовать ни любителям экзотики, ни любителям приключений, а вот людям, мечтающим пожить в тихой, теплой стране на ферме – пожалуй да.

Снова Аргентина

Дистанция по провинции «Corrientes примерно=900km: Concordia—Goya Corrientes—Clorinda.

Вот я опять в Аргентине в провинции Corrientes. Этот апендикс Аргентины неширок, но из Уругвая в Парагвай грузы практически не идут, и я тщетно прождал три часа до наступления темноты. Я не уходил от границы, так как знал, что в полумраке шансы на то, что в приграничном районе кто-то остановится для одинокого спутника на дороге, практически равны нулю.

Шанс же того, что ночью пойдет проливной дождь, равен 100%. Чем хороши тропические ливни – они идут строго по расписанию, а плохи тем, что именно здесь, в Уругвае, они часто сопровождаются оглушительными раскатами грома, ну и молниями, конечно. Этот переходный пункт находится возле небольшого городка с громким названием «Salto Grande» – Большой Прыжок, получившего свое название от плотины, которая является по совместительству мостом, под которым я и укрылся от ливня.

Наутро, пока я протопал пятнадцать километров до развилки, мимо меня проехало машин двадцать, не больше. Зато я увидел парочку пасущихся животных, похожих на тапиров, только рыжего цвета. По главной дороге движение было тоже не очень интенсивное, но через пару часов хода меня подобрал-таки грузовик. Водитель, оказывается, видел меня на границе, но поскольку он тогда ехал в Уругвай, я не разговаривал с ним. Но водителям в кабине говорить обычно не с кем, поэтому на стоянках они любят поболтать. Говарили они между собой и обо мне, поэтому разгрузившись в приграничном городке, он решил подобрать меня.

Я проехал с ним километров 200 до места, где мне нужно было сворачивать на другую дорогу, и на прощание он решил угостить меня, так как, по-видимому, сам проголодался. Водитель с термосом под мышкой {я имею в виду уругвайцев} навряд ли сделал это, но Антонио был толстым добрым аргентинцем. Как я уже говорил, аргентинцы – большие любители мяса, поэтому даже в небольших поселках всегда есть бойня и магазинчик при ней, куда и повел меня шофер, чтобы я сам выбрал мясо. Когда я сказал, что мне все равно, какое мясо есть, он посмотрел на меня с удивленным сожалением и купил пару килограмм мяса именно годовалого бычка. Кстати, оно почти в два раза дороже чем мясо двух-, трехгодовалых особей. Когда мы вернулись в теннистую аллею, где оставили грузовик, Антонио сразу же достал газовую жаровню и начал готовить «Chorasco». Когда я спросил, есть ли у него холодильник, чтобы хранить остатки мяса, он опять одарил меня таким же взглядом и, как вы понимаете, нисколько не огорчился из-за того, что я осилил не половину, а всего одну треть, и правда, вкусного мяса. После сытного обеда, как здесь принято, водитель лег подремать, а я пошел искать попутку.

Мне повезло, и прямо здесь я нашел грузовик, идущий в нужном мне направлении, но не до конца, так как я уже писал, что дорог здесь много, но они расположены паутинообразно. От границы до столицы Парагвая, куда я направлялся, было около 800 километров. Поэтому то, что я проехал с вторым водителем всего час, не огорчило меня. Для Аргентины 250 километров автостопом за один день – хороший результат. На второй день я доехал до 1336 километра дороги N11. Запомнил я это потому, что ночевал возле памятника 22 патриотам, которых зверски замучилили здесь во времена военной хунты [1996—1997]. Вопреки моим ожиданиям, никто не остановился возле монумента, пока я готовил завтрак, и я пошел дальше.

После четырех часов хода возле меня тормознул грузовик с водителем-парагвайцем, который ехал прямо в столицу. Этот водитель был по возрасту такой же, как и аргентинец, угощавший меня, но более худой и подвижный. Наверное, из-за того, что для него не было раз-

ницы какого возраста «мясо». Главное, чтобы оно двигалось. Знаете ли вы поговорку: «У кого что болит, тот о том и говорит»? Так он всю дорогу делился со мной знаниями о девушках легкого поведения. Надо отдать ему должное, он не говорил о них неодобрительно и не вдавался в подробности. От него я в частности узнал, что алкоголь в Аргентине можно купить везде, а вот «нагрузку» к нему предлагают только в вискариях. «Нагрузку» можно либо увезти с собой, либо попользоваться прямо в подсобках, оборудованных душем и резиновыми изделиями. На мой вопрос, как относится к этому полиция, он ответил, что завидует полицейским – для них на «нагрузку» скидка.

За это время мы проехали мимо двух таких заведений, но водитель сказал, что он возвращаемся после долгого рейса домой, где его ждет жена, поэтому сегодня он обойдется без «этого», но если я хочу зайти в Вискерию, то он подождет. Такого желания я не изъявил потому что не люблю виски, а «нагрузку» отдельно не продают. Не доезжая километров тридцать до границы, на заправке к нам подошла продавщица всякой мелочевки и попросила подвезти ее до столицы. Водитель, глянув на меня, согласился. Женщина продавала наклейки на стекла. Они были выполнены в виде силуэтов Девы Марии и Иисуса Христа. В общем-то они хорошо смотрелись на лобовом стекле, не заслоняя обзора. Альфонсо (ну как безгрешно жить с таким именем?) сразу же приклеил покупку на стекло, но от покупки резиновых прозрачных штучек в этот раз отказался. Продавщица вела себя скромно, но намек был понятен: Иисус искупил наши грехи, и он не презирал проституток, так что покупай заодно и меня. Мне с одной стороны было неудобно, что мое присутствие в кабине мешает заработать женщине, но с другой стороны я уберег водителя от греха. Пусть его жена скажет мне спасибо.

Парагвай

Дистанция по Парагваю примерно= 700km: Asuncion- Quiindy- San Ignacio-Carmen del Parana-Fram- Jesus de Tavarangue- Arquitecto Tomas Romero Pereira – Santarosa- Ciudad Del Este.

На границе не было никакой очереди, так что оформление документов на груз заняло не больше 5 минут, а моих – и того меньше. «Asuncion» находился прямо на границе, поэтому, въехав в страну, мы сразу же очутились на окраине столицы. Женщина осталась на переходном пункте, а я проехал с водителем еще километров десять, после чего он поехал в промышленный район, а я пошел в сторону центра по шумным улицам, движение по которым было довольно оживленным.

Пройдя часа три, я увидел вывеску: «Российское почетное консульство» – вот, на ловца и зверь бежит. Правда комната, где находился офис, была закрыта, но я познакомился с частным предпринимателем, снимающим соседнюю комнату. Он предложил дожидаться его жену, которая говорит по-английски. Спешить мне было некуда. Когда она приехала, я принял предложение переночевать у них дома. По пути домой мы заехали в школу за дочерью и, поужинав, легли спать, так как завтра им надо было рано вставать. Вот краткое описание жизни городской семьи среднего уровня, к которому они себя относят: оба работают, одна машина на двоих, один-два ребенка, имеют собственный домик или квартиру и небольшие сбережения на обучение детей. В городских семьях, в отличие от сельских, в основном, равноправие между мужем и женой. Мужчины особо против этого не возражают из-за своего покладистого характера. Утром я доехал с ребятами до консульства, но консула опять не было. Тогда мы позвонили ему на мобильный телефон, и я, спросив, есть ли в столице русское общество, попросил дать его координаты.

К обеду я уже был дома у старосты общины – Светланы, которая родилась уже здесь и, выйдя замуж за хорошего местного парня, родила ему трех красивых дочерей. Теперь оба они оба на пенсии, он – бывший электрик-инженер. Его пенсии и накоплений достаточно, чтобы жить выше среднего достатка. Вечером мы вместе нанесли визит старейшей представительнице общины Наталье Станишевской, которая, несмотря на свои 82 года, все еще возглавляла инженерный отдел какого-то предприятия. В Парагвае она была известна как первая женщина-инженер.

После этого визита мне устроили экскурсию по вечерней столице, в ходе которой я увидел, что роскошью она не блещет. Даже президентский дворец был весьма скромным. Впрочем, это не так же и плохо. Например, роскошь правительственных зданий в Астане на фоне бедных аулов вызывает негативное чувство к правящей верхушке, и Казахстан – не единственный пример такой «заботы» о народе.

В ходе экскурсии мне показали печальную достопримечательность города: огромное пустующее здание-мемориал. Оказывается, здесь располагался торговый центр, и однажды в нем возник пожар. Посетители стали выбегать из него вместе с покупками, «забывая» расплатиться. Чтобы прекратить это «безобразие», бригадир охранников заблокировал электронные двери. К несчастью, двери были металлическими, и когда сразу же после этого перегорела проводка – бетонное здание с металлическими дверями стало общей могилой для сотен людей.

Чтобы не заканчивать поездку на грустной ноте, семья завезла меня в новый универсамг с целью сделать мне какой-нибудь подарок. Я усиленно отказывался от предлагаемых мне вещей, но они все-таки настояли на покупке новых очков, так как видели, что я во время пользования интернетом слишком близко сижу к компьютеру. Что же – мелочь, а приятно. И кстати, я заметил, что это отличительная черта парагвайцев – желание подарить что-нибудь гостю. Впрочем, такой же обычай есть и у «наших» горцев.

На следующее утро я дозвонился до консула и узнал, что в Парагвае только что официально открылось не «почетное», а настоящее российское консульство. Я сразу же поехал по указанному адресу. Как оказалось, консульство-то открылось, но своего здания у него еще нет. Поэтому я встретился с послом и консулом в номере гостиницы, который временно приспособили под офис. Посол жил в этой же гостинице, а для двух консульских работников Россия расщедрилась только на трехзвездочный отель. После официальной встречи ребята захотели познакомить меня со своими женами, которые тоже числились в штате консульства. Кстати, во время посещения российских консульств становится понятно, что семейственность МИДом поощряется. Это и понятно – уменьшается количество членов семьи, проживание коих тоже надо оплачивать из бюджета. Государственные секреты опять же можно обсудить в кругу семьи, а не на стороне.

После обеда в неофициальной обстановке дружелюбно настроенные работники выдали мне официальную бумагу, которую я попросил: письмо визовой поддержки для бразильского консульства в Парагвае. Я мог воспользоваться им прямо здесь в столице, но решил пока не делать этого, так как договор о безвизовом въезде для россиян могли вот-вот ратифицировать. Зачем зря деньги тратить? Глядишь, пока я доберусь до города Cuidad del Este, где я собирался пересечь бразильскую границу, они и «родят». Ну, а если нет, так там консульство наверняка есть. До свидания, столица! Я пошел дальше.

По информации, полученной от местных, я знал, что северо-восточная часть Парагвая малопригодна для сельского хозяйства. Потому она заселена редко, и смотреть там особенно нечего. Поэтому я отправился вдоль границы направо. Если взглянуть на карту этой небольшой страны, то можно увидеть, что по административному делению она устроена также, как и Россия. То есть страна разделена на провинции, которые в свою очередь разделены на области, а они, в свою очередь, разделены на районы. Но Россия – огромная страна, а здесь лишь 18 районов, и они до смешного маленькие.

И еще здесь, как и в России, принято называть людей, живущих в различных регионах типа «пермяк – соленые уши» и т. д. Эти названия на русский слух звучат очень смешно: «трипера», например. Впрочем, и в Аргентине тоже встречались смешные названия провинций: Ла Хухуй, например.

Но вернемся в Парагвай. Первое, что меня удивило, как только я попал в сельскую местность, это то, что как минимум 30% населения вообще не понимают по-испански. И это не только индейцы. Впрочем, похоже, все они здесь креолы. Язык, на котором многие здесь общаются, называется «гуарани». Кстати так же называется их денежная единица с многими нулями: 5000 гуарани = \$1. Но важно, что все остальные понимают гуарани, и я не заметил, чтобы, как в соседних странах, люди делились на индейцев и «белых».

На сельскохозяйственных работах здесь довольно часто используются лошади и волы. Кстати, о волах. Я ночевал на одной из ферм и заснял на видео, как подгоняли задом к эстакаде телегу, запряженную парой симпатичных волов. Оказывается, эти животные не очень-то любят пятиться задом. Поэтому «включить» заднюю скорость и рулить не очень-то легко.

Парагвай – аграрная страна, но здесь есть и небольшие промышленные объекты. Однако у меня лично создалось такое впечатление, что страна застряла где-то в 60-х годах, но не торопится оттуда выбраться. Одним из технических достижений страны является крупная гидроэлектростанция на реке Парана, которой все гордятся. Вообще-то парагвайцы – большие патриоты своей страны. Поэтому туристу стоит быть осторожным с поездками к достопримечательностям. Я имею в виду, что на самом деле большинство из них неинтересны.

Пища парагвайцев тоже не отличается разнообразием. Они, также как их соседи-аргентинцы, едят много мяса, которое здесь намного дешевле. Основным напитком также является матэ – с сахаром или без, но здесь есть еще и «терере». Это в принципе то же самое матэ,

но холодное. Меня удивило, что набор сушеных трав в этом случае заливают холодной водой. Несмотря на это напиток имеет аромат и цвет.

Как я уже говорил, процентов 80 населения здесь креолы. Поэтому чисто славянские лица сразу бросаются в глаза. Я спросил одного из встречаемых, понимает ли он по-русски. Оказалось – да, понимает, хотя чех по национальности.

Оказывается, в этом поселке много славян и один из них, Тодео-поляк, пригласил меня к себе домой. Он жил на ферме в пяти километрах от города, куда и довез меня на стареньком «ковровце». По приезду он пригласил меня искупаться в озере, и каково же было мое удивление, когда он отстегнул ногу-протез. Почему я удивился? До этого он, прихрамывая, бегал по двору за курами, давал корм коровам, которых у них с женой аж 60 и вообще был очень весел и активен. Оказывается, года два назад его штанина намоталась на раздаточный вал трактора, и ему оторвало ногу вместе с бедром. Но главное, как он шутит – детопроизводящий орган уцелел. Желая всем калекам иметь такое настроение! Я переночевал у гостеприимного поляка, и с утра вместо зарядки нарубив сахарного тростника его буренкам, отправился дальше.

Следующую ночь я провел в семье белорусов в поселке Ферн, где, как оказалось, находится самая большая в Парагвае колония украинцев. В связи с этим украинское консульство находится не в столице, а здесь – к своим ближе. Кроме белорусов и украинцев в этом поселке также имеются японские семьи, ну и конечно местные креолы.

Одна креольская семья пригласила меня на обед, чтобы я попробовал национальной еды, и я, конечно же, не отказался. Не столько из-за еды, а для того, чтобы иметь представление о быте в деревне. Домик был небольшой и не очень опрятный, но, похоже, в еде, особенно в мясе, здесь себе не отказывали. В домике жили муж и жена где-то за 50 и их две дочери 14 и 18 лет. Муж работал на заводике, принадлежащем украинцу. Работой он был доволен, так как она давала пропитание всем остальным. Дочери были довольно симпатичны, но несмотря на это, старшая уже немножко засиделась в девах. Обычно здесь выходят замуж в 16, а то и рожают. И в общем это понятно, в 14 лет девочки уже выглядят вполне созревшими.

Национальным блюдом оказалась целиком сваренная коровья голова, язык которой к моему приходу уже лежал отдельно на блюде. Язык был огромным, его хватило на всех. Уши тоже всем достались, ну а маленькие коровьи мозги разделили всем по ложечке. Глаза, конечно, делить на части не стали. Я, как гость, стал обладателем одного, второй достался хозяину. Интересно, что ко всему этому обилию мяса подали всего лишь маленькие круглые хлебцы размером с коровье глазное яблоко, ну, и наваристый бульон вместо чая.

После второй ночевки в гостеприимной белорусской семье я позавтракал и отправился дальше. Хозяева дома, который по совместительству являлся и магазинчиком, попросили своего родственника, чтобы он вывез меня на основную дорогу, и тот с радостью согласился.

Мы поехали на стареньком мотоцикле по тряской брусчатке, и по дороге молодой парень объяснил причину своей радости. Оказывается, поселок, куда он меня вез, славился обилием девочек легкого поведения. Jesus de Tavarangue – небольшой поселок, но сюда приезжает много туристов, чтобы посмотреть на руины огромного собора, возведенного иезуитами. Это, пожалуй, единственное место, которое стоит посетить в этой стране. Массивные стены и колонны внутри храма построены на века, и, должно быть, должны были внушать индейцам трепет. Кроме того, при достаточно прочных дверях и окнах это строение вполне могло выдержать осаду.

Ну, а достопримечательность, о которой я сказал выше, явилась уже следствием приезда сюда туристов. Даже скорее всего не самих туристов, а таксистов, водителей автобусов и гидов, которые конечно не упустят случая порекомендовать туристам после осмотра холодных каменных стен пощупать что-нибудь тепленькое. Кстати, в туалетах на заправке я увидел запрещающий знак: мужской и женский силуэт, разделенный перегородкой. То есть запрещается входить в один туалет лицам противоположного пола. Но, с одной стороны имеется знак, а с другой сто-

роны в каждом туалете есть душевая кабинка с горячей водой. Как тут удержаться, если услуги девушки стоят всего 2 доллара? Правда нигде нет таблички с указанием штрафа за нарушение, но думаю, что даже с учетом штрафа цена не поднимется выше \$5 – бедные девушки! Но куда им деваться? По статистике это самая бедная провинция в стране. Неудивительно, что при таких ценах на проституток возникают такие названия как «трипера». Впрочем, я ознакомился и со статистикой зараженности СПИДом в Парагвае, он оказался равным 0,6% – это намного меньше чем в Африке.

Кстати, о статистике. Это очень полезная вещь, и доступна в интернете каждому. Поэтому меня очень удивляет, когда я во время своих путешествий встречаю вроде бы неглупых людей, которые приезжают за тысячи километров, не удосужившись посмотреть и ознакомиться с темой своего интереса в посещаемой стране. Мне попадались люди, приехавшие показаться на серфинге в месте, где в это время года не бывает волн; любители поплавать с масками там, где в это время полно обжигающих медуз; любители позагорать, забывшие, что в экзотических странах есть сезоны дождей; охотники, приехавшие в Коста-Рику, где охота вообще запрещена...

Ну, а приехавшие для ловли «ночных бабочек», резиновые «сачки» могут найти везде, но «сачок» может порваться, поэтому перед этим полезно ознакомиться со статистикой зараженности венерическими болезнями. Так что цены ценами, а статистика статистикой. Надеюсь, тем, кто прочтет эти строки, статистика пойдет на пользу.

Кстати, о пользе от колонизации. Она несомненно была, только вопрос кому и в каком процентном отношении. Этот вопрос сложный, но вот то, что инквизиторы научили индейцев строить брусчатые дороги – этот факт на пользу. Вон они до сих пор часто предпочитают класть брусчатку, а не асфальт. Хотя это возможно потому, что камень и рабочая сила дешевая, а асфальт – нет. Как бы то ни было, пора покидать эту страну и, честно сказать, ее простые люди понравились мне больше чем уругвайцы, побрезговавшие смешиваться с индигино.

В приграничный город Ciudad del Este я прибыл под вечер и сразу же отправился на переходной пункт, чтобы узнать нужна ли мне бразильская виза. По мосту, соединяющему две страны, шли и ехали сотни людей, поэтому я даже не стал отмечаться у парагвайцев, а сразу же отправился на противоположный берег. Мимо кабинок с бразильскими эмигрантами тоже можно легко пройти не отмечаясь, как делают сотни местных, но у меня другая задача. Правда, найти говорящих по-английски среди офицеров удалось не сразу, но минут через 10 ко мне вышла симпатичная приветливая девушка, которая сказала, что виза для русских все еще нужна, но ее легко можно получить в течение дня и дала мне адрес консульства. На следующий день, постояв пару часов в очереди, я получил бразильскую визу и сказал до свидания стране креолов.

Бразилия

Дистанция по Бразилии примерно =7500km: Fos do Uguacu- Cascavel- Curitiba- Sao Paulo- Rio de Janeiro- Gabo Frio-Mage-Petropolis-BeloHorizonte—Brasilia—Formosa- Palmas-Araguaina -Maraba- Tailandia- Moju – Belem-Santarem-Parintins-Manaus-Boa Vista- Pacaraima.

Город «Foz do Iguacu» встретил меня новым языком: придется вспоминать свой небогатый запас португальского. Город получил свое название от всемирно известного каскада водопадов Игуасу, ради которых и приезжают сюда тысячи туристов и я в том числе. Правда, есть тут еще одна достопримечательность – гидроэлектростанция Итайпу. Вернее, две станции, одна из которых находится на территории Парагвая. Станции лучше осмотреть до посещения водопадов, так как после них творение человеческих рук кажется невзрачным. Также ничего особенного вы не увидите на месте, называемом «три границы», кроме того, что река Игуасу (уже после водопада) впадает в реку Парана под углом ровно 90°. Эти две реки десятки километров являются границами между странами, заставляя их петлять, извиваясь, «как бык написал». Когда проводили границы, здесь наверняка не было такого потока туристов, и хорошо, что река все-таки досталась двум странам. Ведь туризм приносит немалые деньги, и тот, кому бы она не досталась, сейчас бы плакал горькими слезами.

Водопад действительно впечатляет. Не зря англоговорящие при виде его сразу восклицают «Вау!». Ну, а у русских язык, естественно, богаче. Я, например, вспомнил своего дедушку, который любил смотреть на реку во время ледохода и воспользовался его выражением «раскудри твою через коромысло». До этого я уже видел три всемирно известных водопада и готов согласиться с мнением какой-то королевы, которая, побывав здесь, воскликнула: «Бедная Ниагара!»

Действительно, десятки водяных потоков, падающих примерно с 70-метровой высоты, создают феерическое зрелище, и люди как зачарованные идут несколько километров вдоль реки, любуясь на потоки воды, низвергающиеся с разных направлений. Зрелище дополняется пышной тропической растительностью и разноцветными бабочками, садящимися прямо на людей. Стоимость посещения заповедника, в котором расположены каскады, в общем-то невысока: \$10. В нее включен и 10 км. проезд на автобусе, который довозит посетителей до ресторана, расположенного в месте начала маршрута. Там же расположен и магазин сувениров, где кроме открыток и футболок можно купить и более дорогие вещи, которые этого стоят: мастерски сделанные скульптуры зверей и птиц, выполненные из разноцветного аметиста, который находят в этом же районе.

Я переночевал прямо на территории заповедника (нелегально) и на следующий день, взглянув на две другие достопримечательности, упомянутые выше, вышел за пределы города по дороге N277, которая вела в сторону города Cascavel. До места, где находилась развилка, было всего 150 км, и я надеялся быстро преодолеть их на попутке, чтобы встать на нужную дорогу. Однако мне пришлось топтать весь день, так как транспорта почти не было, если не считать сельскохозяйственной техники. Кругом простирались большие возделанные поля, с которых, надо полагать, и поставлялись свежие овощи для тысячной армии туристов. Каскавел – большой город, и мне потребовался целый день чтобы пройти через него. Отсюда до Rio de Janeiro по прямой 1000 км, и мой путь идет почти точно на восток. Я, естественно, не собираюсь лететь на самолете, поэтому придется по петлять по извилистым дорогам малонаселенной провинции Парана.

Маленькие городки, встречающиеся по пути, похожи друг на друга: заасфальтированные освещенные улицы, чистенько, одна-две церквушки, пара магазинов, пара ресторанов, скупаю-

щие подростки по вечерам демонстрируют перед девчонками мастерство езды на велосипедах. Их родители сидят кучками на улицах или в забегаловках, и все довольно рано ложатся спать.

В больших городах конечно жизнь идет совсем другим темпом – пример тому мегаполис Sao Paulo, в котором жизнь не замирает ни на минуту. Хотя, может это не совсем удачный пример – самый большой город Бразилии все-таки. Каюсь, в его центр я так и не зашел. Мне хватило одного дня, когда я топал с одного его конца до другого. Ну, а Рио конечно красавец! Даже его бедные грязные кварталы, прилепившиеся на неудобных склонах сопок, издали кажутся весьма симпатичными.

Известная статуя безусловно стоит того, чтобы к ней подняться, но туристы многое теряют, добираясь туда на такси или на трамвайчике, ведь в итоге перед ними открывается лишь, не спорю, величественная панорама города. Однако, пока я шел туда пешком, я успел рассмотреть фрагменты этой панорамы детально и с разных ракурсов.

Но, как я уже говорил, на красавца Рио-де-Жанейро лучше смотреть как на увядшую красавицу – издали, так как вблизи, или надев очки, сразу увидишь все морщины и прыщи, которых в столице предостаточно. Даже в центре города много мусора, бездомных и попрошайек. В этом плане он явно уступает Буэнос-Айресу.

Также в плане безопасности для туристов: многие его районы пользуются дурной славой – знаменитый пляж Копакабана, например. Меня предупредили об этом, когда я сказал, что пойду туда ночевать. Естественно, это не остановило меня. Придя на место, я зашел в полицейский участок, чтобы спросить, не запрещено ли ставить палатку на ночь.

В это время туда как раз зашла парочка из Австралии с жалобой: они заявили, что их только что ограбили буквально на виду у всех, хотя было еще довольно светло. Они просто сидели на пляжной скамейке, когда к ним с двух сторон подсели чернокожие ребята и «попросили» отдать все ценное. Австралийцы не решились отказать им, так как те держали руки в карманах и уперли своим жертвам в бока что-то твердое. Полицейский, как и я, предположил, что «пистолеты» были даже не ножами, а просто початками кукурузы, которые иметь в кармане естественно никому не запретишь, но пострадавших это не успокоило. Сразу же после этого я спросил, можно ли ночевать на пляже, что заставило полицейского удивленно взглянуть на меня. Запрещения не существовало, а предупреждение я уже получил, так что его дело маленькое.

Я поставил свою палатку-малютку напротив пятизвездочного отеля и спокойно уснул под шум прибоя. Устав от толпы, я решил двигаться дальше, но взвесив все за и против, решил не идти вдоль берега, а двинуться напрямую через столицу. Однако прежде чем уйти от моря, я решил побывать на знаменитом пляже Cabo Frio, что в 120 км к северу от столицы.

Два дня спустя моя палатка уже стояла на белоснежном песке «холодного полуострова», получившего свое название от того, что его белый песок никогда не бывает горячим. Это довольно приятное место, но толпы людей, не меньше чем в Рио. Отличие лишь в том, что все в купальных костюмах. Цены тоже такие же, так что зря говорят, что столица – рекордсмен по этой части. Два дня оказалось для меня достаточно, чтобы пресытиться зрелищем симпатичных мордашек и задняшек, и я двинулся дальше.

Мне повезло, через пару часов меня подобрал скучающий морячок, возвращающийся со службы – он доставил меня к главной дороге, идущей от Рио в столицу. Дорога серпантинном поднималась в гору, и движение на ней было довольно оживленным, так что идти было небезопасно.

Вскоре меня подобрала старенькая легковушка, и к вечеру я был в г. Петрополис, известном тем, что он некогда был столицей Бразилии. Расположенный в горах в 40 км от шумного Рио-де-Жанейро он привлекал туристов прохладой и историческими постройками. Переночевав возле бюста первой императрицы Бразилии, я отправился дальше и шел практически весь день, наслаждаясь свежим воздухом и открывающимися видами.

Еще несколько дней в пути, и я в «Belo Gorizonte». В Бразилии я заметил одну закономерность: городов здесь мало, но они огромны, а сельские жители живут в небольших городках, разбросанных на довольно большие расстояния. У них достаточно техники чтобы обрабатывать большие площади и доставлять продукты к желудкам потребителей, живущих в тесных мегаполисах. Горожане в свою очередь производят некоторые предметы, необходимые сельским жителям, а также соседним малоразвитым странам. В общем, круговорот вещей в обществе, которое уже не мыслит себя без всех этих атрибутов.

Провинция Minas Gerais, столицей которой являлась Belo Gorizonte, – самая большая на юге Бразилии. Minas в переводе – шахты. Название говорит о том, что в провинции они имеются. Однако двигаясь дальше на юг, я увидел, что она заселена очень редко – видимо, шахты приносят неплохой доход если позволяют 70% населения жить в городах.

От Belo Gorizonte до столицы 700 км, которые я преодолел за 5 дней, но поскольку была пятница, а дорога, по которой я ехал, шла дольше, я решил принять предложение водителя переночевать на ферме у его отца. Ночная столица, через которую мы ехали в течение получаса, не произвела на меня впечатления, возможно, из-за того, что я был за рулем и боялся пропустить дорожные указатели. Водитель сильно устал и, подобрав меня, надеялся, что я помогу ему бороться с дремотой, но я, видя, что он засыпает за рулем, не стал развлекать его, а предложил вести машину, и он согласился.

Кстати, как минимум половина легковых авто в Бразилии ездят на «Алкол». Это бразильское изобретение, и они сильно этим гордятся. Алкол – это спирт, вырабатываемый в основном из сахарного тростника. По запаху, цвету и вкусу (я попробовал) он не отличается от самогона, но считается ядовитым, и пить его нельзя. Он дешевле бензина в полтора раза, и все двигатели адаптированы под него. Такое топливо можно было бы легко производить в России, но по понятной причине на это вряд ли пойдут.

На ферму мы приехали к полуночи и сразу же легли спать. Наутро отец Мигеля повел меня показывать свои владения. Его большой одноэтажный дом стоял на берегу одного из прудов, в которых он разводил рыбу и водоплавающую птицу. Но основной статьей его дохода являлась соя. Ею были засажены все гектары, которые ему принадлежали, и, естественно, у него было человек пять работников, которые управляли техникой.

Я как раз застал первый день уборки урожая, так что имел удовольствие прокатиться на комбайне. Последний раз я сидел за рулем подобной машины, когда мне было 16 лет, но там естественно не было кондиционера. Нет их и до сих пор в наших отечественных сельскохозяйственных машинах, и я слегка позавидовал бразильским комбайнерам и трактористам. Скорость комбайна при уборке около 19 км/час, что также по крайней мере в 2 раза превышает скорость наших отечественных машин. Но конечно надо учесть, что соя – это не пшеница.

С высоко расположенной кабины было хорошо видно, что приближения комбайна ждут две отдельные группы птиц. Хищники кидались сразу же, чтобы не упустить потревоженных грызунов. Остальные ждали, пока комбайн удалится – оброненные зерна никуда не убегут.

Комбайн, сделав круг, подъезжал к бункерам и, разгрузившись, ехал дальше, а рабочие подгоняли под бункера прицеп и высыпали очищенную сою в огромные 1000-киллограмовые мешки. Как видите, все механизировано, поэтому, как я уже писал, процент сельских жителей в Бразилии невелик. В конце рабочего дня мешки перевезли под навес, и я спросил хозяина, почему он, как его соседи, не сдает урожай на приемный пункт. Он ответил, что выращивает сою не на корм, а на семена, поэтому не сдает оптом. Цена семенных зерен выше, потому что те, кто занимается этим, не имеют права применять химикаты, но он имеет хорошую репутацию, так что проблем с продажей у него нет.

За обедом я увидел, что и необходимости покупать продукты у него тоже нет: на столе было и мясо, и рыба, и овощи, и фрукты – все это с большого садового участка. Когда я ходил по участку, меня удивило то, что повсюду растет кунжут. Оказывается, от него двойная польза.

Всем известно кунжутное семя и масло, из него изготавливаемое, но то, что муравьи никогда не селятся там, где он растет, надо взять себе на заметку.

В воскресенье отец и сын поехали в поселок попить пивка и пригласили меня, чтобы показать друзьям босоногого русского. Пока они пили пиво, я ходил по поселку, в котором было не более 50 домов. Несмотря на небольшой размер, в городке было пару интернет-кафе, в которых совсем не было свободных мест. В основном посетителями были подростки, которые играли в компьютерные игры онлайн. Подростков было человек пятнадцать. Это, конечно, вдвое меньше, чем число людей в баре, но все равно. Жаль, что даже сельские ребята заразились компьютерными наркотиками. Конечно, с тех пор, как сельские ребяташки играли в лапту и прятки, прошло немало лет и все поменялось, но в лучшую ли сторону?

В понедельник я поехал в столицу по двум причинам: ночью я не успел рассмотреть ее и еще я хотел зайти в посольства Английской и Французской Гуяны, чтобы узнать правила получения виз в эти страны.

В район, где находятся все посольства я добрался уже после обеда, поэтому, чтобы сэкономить время, я решил зайти в русское посольство и, позвонив оттуда, получить нужную информацию. Российское посольство найти оказалось просто, так как перед парком, в котором находились довольно большие здания, был установлен огромный плакат с надписью Russia. Земляки помогли мне получить нужную информацию, и я отправился на осмотр города.

Выйдя на проспект под названием Монументальный вал, я увидел, что аргентинцы обманывают туристов, а может и самих себя, что в их столице самая широкая улица в мире. Возможно она занимает второе место, но первое наверняка за бразильцами – ширина главного проспекта их столицы в самом широком месте 420 м. Хотя, наверное, в свое время главный проспект Буэос-Айреса был самым широким, и бразильцы, планируя свою новую столицу, наверняка сделали проспект такой широты чтобы утереть нос соседям. Конечно, кроме этого желания у аргентинцев были и другие поводы. Например, сделать свою новую столицу удобной во всех отношениях, поэтому они и выбрали по виду простой проект.

Об истории ее возникновения можно прочесть из более точных источников – поэтому я изложу ее кратко: в конце 18 века поступило первое предложение перенести столицу в центр страны чтобы заселить пустующие территории. Но проект висел в воздухе аж до 1956 года, и этим решил воспользоваться один из кандидатов в президенты. Он пообещал избирателям, что если его выберут, он разовьет экономику, построив новую столицу еще до конца своего 5-летнего президентского срока. Его выбрали, и он сдержал свое слово: в 1960 году все было сдано под ключ! Представляете, город на 400 000 человек!

«Brasília» имеет необычную планировку. Если смотреть на город с высоты птичьего полета, он выглядит как самолет, приземлившийся на берегу озера. Городские власти строго следят, чтобы этот план не нарушался – к примеру, сейчас можно снести квартал для постройки нового магазина, но высота зданий и их цвет строго регламентированы В «кабине и фюзеляже» здания одной высоты, в «крыльях» – другой, в хвосте – опять высокие

Идя по «фюзеляжу», я увидел два строения, которые возникли не так давно, судя по материалу, из которого они сделаны и по дизайну – это музей в виде летающей тарелки и собор из стекла и бетона. Видимая часть собора не велика, так как основная часть строения находится под землей.

За один день я покончил с делами и осмотром города и на второй день вышел за его пределы и поехал на север по той же дороге, откуда вчера приехал. Когда я покидал своего нового друга-фермера, он предлагал оставить вещи у него, но во время путешествия я предпочитаю не расставаться со своим рюкзаком, поскольку в любой момент может возникнуть необходимость изменить планы. Но в этот раз ничего непредвиденного не произошло и, сменив 3 машины, я добрался до знакомого поселка уже в темноте. Я позвонил хозяину фермы,

чтобы он встретил меня, и он с удовольствием воспользовался предложением приехать в поселок и попить пивка.

Утром я окончательно попрощался с ним и поехал дальше на север. Мой путь лежал к устью Амазонки, где находился большой город «Belém», там я вознамеривался попробовать получить визу во Французскую Гвиану и отплыть туда на судне, либо уйти по Амазонке в город Манаус.

От столицы до Белема 1500 километров, от него до Манауса еще 1300 (по воздуху). Тогда как от Бразилиа до Манауса всего 1900 км. Наверное, у читателя напрашивается вопрос, почему я не направился прямо в Манаус? Главная причина – мой характер. Я всегда выбираю маршрут, где есть варианты, то есть, чтобы всегда был выбор. Хотя, если говорить фигурально, выбор у человека есть до самой смерти.

Когда я уезжал с фермы, хозяин очень рекомендовал мне осмотреть место под названием Alto Paraíso, славящееся своими водопадами. Это название я уже встречал где-то на туристических плакатах, гуляя по столице, поэтому вышел из машины в указанном месте, хотя мог проехать на ней еще 200 км.

От поселка «Высотный рай» до водопадов было еще 18 км, поэтому я решил заночевать на выходе из поселка. Мне повезло, ибо там как раз находился испытательный участок сельскохозяйственного государственного института, где выращивали всякие культуры. Я быстро нашел общий язык с руководителем проекта – немкой из Нюрнберга. В результате имел ужин, крышу, завтрак и даже велосипед для завтрашней поездки, а сотрудники имели возможность посмотреть мое видео и послушали лекцию о соседних странах.

Утром я поехал на экскурсию, но вернулся не к обеду, как рассчитывал, а только к ужину. Причиной было вовсе не обилие видов, а обилие холмов с крутыми подъемами и спусками. Если бы велосипед был спортивный или горный, то преодолеть подъемы было бы намного проще, но это был обычный дамский велосипед без переключения передач, поэтому мне часто приходилось толкать его.

В общем, мне пришлось прочитать еще одну лекцию и еще пару раз до отвала наесться овощей и фруктов с опытного участка. Немка была вегетарианкой, так что бесплатных продуктов, выращиваемых здесь круглый год, для нее было достаточно. Ну, а работники, которых было здесь около 10, к бесплатному рису, фасоли и фруктам приносили что-нибудь более питательное.

Вообще, мне нравятся бразильцы – особенно сельские жители – они всегда доброжелательны и все вопросы пытаются уладить мирно. Многие читатели, наверное, помнят мыльную оперу «Богатые тоже плачут». Она, кажется, бразильская, ну, или аргентинская. Я смотрел пару отрывков – так там только Мария плачет, а вокруг столько, извиняюсь, стерв. Так вот, будучи в этих странах, я убедился, что это не так. Впрочем, и в советских и в голливудских фильмах герои – не рядовые люди, а исключение из правил.

Как я уже писал, взаимоотношения у бразильцев такие же мягкие, как и их язык, в котором много шипящих и мягких окончаний. Такое впечатление, что составитель этого языка был шепеляв и не выговаривал многих букв. Поэтому он посчитал, что из латинского алфавита можно убрать несколько букв. В итоге сейчас в алфавите, которым пользуются бразильцы (не уверен насчет португальцев), всего 26 букв.

Между мужчинами и женщинами скандалы происходят крайне редко. Женщины мягко отдаются понравившимся мужчинам. Их мужчины мягко прощают это. Правда, я не раз слышал от бразильцев, что их женщины, в основном, думают тем местом, которое у них между ног, но они не отрицают, что у них такой же недостаток. В общих словах дело здесь обстоит так: женщины не стремятся к эмансипации, как в Северной Америке, а мужчины не оставляют право «гулять» только за собой, как это принято в России.

Но вот в вопросе проституции равноправия пока нет. Вернее, есть, но частично. Я имею в виду, что среди уличных девочек уже есть процентов 10 мальчиков. Но ведь все они обслуживают мужчин. А как же сервис для нуждающихся женщин? Неравноправие получается!

К проституткам в Бразилии отношение весьма лояльное, как со стороны населения, так и со стороны властей. Я иногда общался с «ночными бабочками», когда ночевал на заправочных станциях. Они часто «кружатся» возле больших заправок, так как шоферы-дальнобойщики – их постоянные клиенты. «Бабочек» всегда можно узнать по откровенно открытой одежде. Менеджер заправки знает об их существовании, но для него это реклама. Поэтому он их не трогает, но не дай Бог, кто из заправок попробует «подработать» – сразу выгонит. Правда, униформа у обслуживающего персонала тоже весьма открыта – тропики все-таки, но водители знают «правила игры».

В общем, Бразилия очень демократичная и свободная страна. Во всякой случае, в плане уплаты налогов. Это мне сказали мелкие уличные торговцы, которые приезжают сюда из Боливии, Аргентины, Чили и Венесуэлы. Здесь никто не пристаёт к ним с просьбой показать лицензию на продажу шариковых ручек или батареек, как у них на родине. Но вот владельцы лавок, базаров, магазинов и даже маленьких ларечков налоги платят регулярно, и взятками здесь не откупиться.

Но вернемся на дорогу. От Алто Параисо до Белема еще 1200 км, и чем дальше на север, тем хуже дороги. Особенно в низинах. Оно и понятно – расстояния большие, машины ездят редко, а дожди идут часто. По той же причине здесь часто вместо мостов паромные переправы – это хоть какая-то деньга в местный бюджет. Из-за своего очень слабого португальского я не сумел выяснить, как здесь взимается оплата за дорогу – не буду врать. В разных странах это делают по-разному: в России дерут при регистрации автомобиля, даже если она весь год стоит; во Вьетнаме, поскольку там много мостов – берут деньги именно за проезд через каждый из них и т. д. Самый разумный способ, на мой взгляд, придумали в Штатах: дорожный сбор включен в стоимость бензина, и владельцы заправок, хочешь – не хочешь, исправно отдают этот процент в дорожный департамент. Просто и понятно, не надо ни кубики считать, ни пробег: больше машина, больше едешь – больше платишь!

До Белема я добрался за недельку. Машины по-прежнему останавливались редко, поэтому мне долго приходилось идти пешком. Меня это конечно не затрудняло, но скучновато одному. Белем – крупный город, и в нем на удивление много туристов. На удивление потому, что сюда идет всего одна дорога, по которой прибыл я. Но туристы по ней не ездят. Все они либо прилетают, либо прибывают на пассажирских судах сверху по Амазонке. Я так и не узнал, ходят ли отсюда пассажирские суда по морю во Французскую Гуану, так как в их посольстве мне сказали, что визу придется ждать не менее двух недель. Ладно, отправлюсь вверх по Амазонке в Манаус, где я уже однажды был.

В ожидании судна, которое идет 3 раза в неделю, я бродил по городу, и за это время обратил внимание на абсолютное отсутствие нацизма. Впрочем, это и понятно. Всего 10% местного населения по виду белые и примерно столько же черные, но и они наверняка имеют примесь кровей. Все остальные от светло- до темно-шоколадного оттенка. По какому признаку их или им дискриминировать? Мне, естественно, такое отношение понравилось, тем более в этом смешении кровей был еще один плюс: «белая» кровь исправила негроидные черты лиц, а «черная» подарила отличные тела. Правда я увидел минус, который, впрочем, могут исправить учителя эстетики. Мужчины-то ладно, но вот когда девочка, симпатичная «шоколадка», зевает собеседнику в лицо, не прикрывая рот ладошкой! Это не есть красиво, как сказал мне по-русски молодой немец-турист, когда я спросил, нравится ли ему бразильские девушки.

Ну а мне следующие 4,5 суток придется общаться только с местными, потому что на теплоходе не оказалось ни одного иностранца. На большие расстояния туристы предпочитают плавать на больших, роскошных круизных судах.

Старую «этажерку», на которой я отправился, скорее всего можно назвать речным междугородным автобусом. Таких «автобусов» по Амазонке и ее притокам снует множество – ведь это единственный транспорт для людей, живущих в отдаленных поселках. Впрочем, не единственный: почти у каждого здесь есть либо «велосипед» – маленькая лодка, либо «мотоцикл» – лодка с мотором. Кроме этого в поселке всегда есть пара «такси» – небольшой моторный катер. Но на реке «такси» я видел редко – сами понимаете, что небогатые сельские жители пользуются ими только в экстренных ситуациях.

«Автобусы» никогда не пустовали, особенно в базарные дни, когда жители маленьких поселков везли всякую всячину на рынки. От Белема до Манауса я насчитал штук 15 городков, то есть они расположены километров в ста друг от друга. Мы преодолели это расстояние за 4 с половиной суток, то есть примерно за 110 часов. 1500 км. делим на 100 часов (учитывая стоянки). Получается, что «автобус» шел со скоростью 15 км в час. Значит, до ближайшего базара сельский житель добирается часа 3. Что же – не так уж и плохо.

Для пассажиров базар открыт не только в базарные дни – к прибывшему судну даже ночью выбегают продавцы со своими и родительскими поделками. Я имею в виду, что эти продавцы в основном подростки. Ну, а их основные покупатели – оптовики, которые скупают некоторые товары. Они знают, что некоторые вещи делают только в этом месте, и их можно выгодно продать туристам в крупных городах. Прочие же пассажиры покупают только фрукты, овощи и сладости, чтобы разнообразить не очень-то богатое меню судовой кухни.

Как я уже писал раньше, городки, расположенные на берегу, иногда даже имеют асфальтированные дороги в радиусе 10 км, по которым, в основном, ездят колесные трактора и мотоциклы. В каждом городке имеется церковь и школа, но молодежи этого недостаточно. Им обычно не сидится на месте, и они иногда отправляются на «б...» в соседнее село или город.

Денег на такие мероприятия им родители наверняка не выдают, поэтому они пользуются следующей тактикой: заслышав шум мотора теплохода, они прыгают в свой «водный мотоцикл» или «велосипед» и устремляются наперерез, чтобы взять судно на abordаж. Ловко забросив свой якорь-кошку, они подтягивают свою посудину на судно. Капитан и экипаж похоже не против этого из-за возможности получить какие-то дивиденды от «пиратов». Но, по-видимому, из-за того, чтобы не снижалась скорость и маневренность (пиратских лодок бывает 3—4), экипаж требует, чтобы лодки были подтянуты до уровня второй палубы. В результате лодка находится под углом 45 градусов и касается воды только кормой.

Само собой разумеется, что такие вояжи предпринимаются против течения чтобы потом без затрат бензина спуститься вниз. Это, конечно, сужает географию походов женихов, но есть плюс для девушек и их родителей: потерявшихся отцов новорожденных нужно искать только внизу по течению.

Таких «пиратов» за день цепляется штук десять, и на них пассажиры не обращают внимания, но однажды я наблюдал не совсем обычную сцену: в лодке кроме 16-летнего парня находилось, по-видимому, две его сестренки. Он залез по веревке, подтянул лодку, как полагается, и девочки взобрались на палубу вслед за ним. Я спросил, сколько им лет – оказалось 9 и 6. За спинами у них были рюкзаки с какими-то пирогами, которые они распродали в течение 15 минут. Закончив, девочки спустились в лодку, и я думал, что парень вернется домой с ними. Не тут-то было. Он опустил лодку и бросил веревку детям.

Признаться, я не хотел бы в их возрасте остаться в лодке, которую едва не захлестнули поднятые пароходом волны. Но это еще что: на следующий день я увидел, как из домиков на сваях наперерез судну, как обычно появилось, несколько лодок. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, что в каждой из лодок было лишь по одному ребенку. Все они были никак не старше 3-х лет! Их родители знали, что делали. Когда пассажиры видели качающуюся лодку с одиноким ребенком, который протягивает ручонку, у многих возникало желание дать ему чего-нибудь. Правда пассажиры не знают, как это сделать, ведь лодка далеко внизу.

Но для работников кухни – это, видно, не впервой: у них наготове уже лежали целлофановые пакеты с остатками еды, и они просто бросали эти пакеты в воду. Пакеты плавают там, как поплавки, пока дети их не подберут. Глядя на это, некоторые пассажиры засунули в пакеты всякую-всячину и бросили вниз. А все-таки я не одобряю родителей этих детей. С одной стороны, конечно, дармовые подарки, но ведь лодка может перевернуться. Хотя ребенок, выросший на воде, скорее всего в этом возрасте уже может плавать по-собачьи. Но в притоках Амазонки водятся кайманы, или родители надеются, что утопающего спасут розовые дельфины, которые здесь тоже водятся?

В эту поездку я уже не раз видел их, но в полумраке, поэтому не сумел снять на фото или видео. Но зато после поездки у меня осталось много фотографий детей и девушек, которые охотно позировали перед камерой. Народ здесь общительный, я тоже, так что языковой барьер нам не мешал. Возле меня постоянно было полно народа: я учил детей новым играм, взрослым показывал фокусы и головоломки. Между делом я сам учился португальскому языку, а те, кто немного знал английский практиковались, расспрашивая меня.

Но вот поездка подошла к концу. Впереди показался Манаус, и я узнал знакомый причал. Правда, в этот раз пассажиры выходили по трапу с первого этажа «плавучей этажерки», а в тот раз – с третьего. Это значит, вода поднялась метра на 4. Да, глядя на мои фотографии, может показаться, что здесь наводнение, но на самом деле не так. В сезон дождей вода подымается. Так что это штатная ситуация, и все жилища строятся на сваях в расчете на это. Вот, правда, коровы во время высокой воды не пасутся, а стоят на специальных плотках. Конечно их приходится кормить, но зато доить не надо далеко ходить. И еще один плюс: если хозяин – «цыган», и коровка не привыкнет обходиться без корма – не придется далеко за мясом идти.

По прибытию я сразу же отправился в путь и к вечеру вышел за пределы города на дорогу, ведущую в Boa Vista. Провинция Amazonas, столицей которой является Манаус, является самой большой, но далеко не самой богатой провинцией Бразилии. Естественно, и дорога находилась не в лучшем состоянии, но все же не такая разбитая, как до Белема. Пройдя пару часов, я понял почему машины по ней ездили весьма редко. До Боа Висты, которая является столицей Roraima, самой северной провинции Бразилии, было около 700 км. На этом участке дороги имеется всего лишь 3—4 небольших населенных пункта.

Примерно на полдороге, уже на территории Рараимы, я опять пересек линию экватора, на которой установлен валун в три человеческих роста. На нем нет координат, поэтому я достал GPS и отметил долготу, на которой пересек его в этот раз: 60°39'» западной долготы. Это не так далеко от того места, где я пересек его в Эквадоре: 78°97'», но за это время я уже успел побывать на 54° южной широты. Это, кстати, самая южная точка, которую мне удалось посетить. Впрочем, у меня никогда не было цели ставить такого рода рекорды, но раз уже зашла об этом речь, то заодно скажу, что на Аляске я был намного дальше за полярным кругом: аж на 70°17'».

Но вернемся на экватор. Вскоре после его пересечения начались владения индейцев, по которым при всем желании я не смог бы пройти пешком. Дело в том, что правительство (говорят, по просьбе самих индейцев) объявило национальным заповедником часть джунглей, где традиционно проживало какое-то племя. На территорию заповедника никто не имеет права зайти пешком, а водителям запрещено останавливаться и вступать в любые контакты с населением. Когда мы ехали по этой территории, я видел несколько индейцев, идущих по обочине с какими-то допотопными ружьями.

Но вот и Боа Виста, и я попросил водителя высадить меня на дороге, ведущей к границе Английской Гуаны. Отсюда до нее всего 150 км, поэтому я решил съездить туда. Мне было интересно посетить новую страну. Потом, смотря по обстоятельствам, я хотел попытаться попасть в Венесуэлу через нее.

Движение по дороге было довольно оживленным, и уже через час хода меня подобрала легковушка, в которой ехали двое мужчин и миловидная молодая женщина. Они были бра-

зильцами, но сносно говорили по-английски. Это было им необходимо по роду их деятельности: Гуана – англоговорящая страна, а ребята занимались куплей-продажей. Они везли туда полный багажник пива, а оттуда планировали привезти спортивную обувь. То и другое, оказывается, можно продать чуть ли не по двойной цене.

Вот мы и на реке, через которую проходит граница. Как только мы съехали на берег, с небольшого парома к нам сразу же подошел пограничник с целью проверки, но не документов, а багажника и салона. Из вопросов пограничника я понял, что меня взяли в машину не только из-за желания помочь. Оказывается, на каждого въезжающего есть лимит пива, которое они якобы везут, чтобы выпить с друзьями. То есть, благодаря мне, они беспощинно ввезли лишний ящик пива. Что было бы если бы, они не встретили меня? Пришлось бы заплатить пограничнику «пошлину» – ¼ ящика. Я спросил пограничника, может ли он поставить мне штамп в паспорт, но оказалось, что штампа у него нет.

От границы до поселка было километров 10 ухабистой грунтовки, по которой мы ехали уже по левой стороне – колония Англии, все-таки. Кстати, пока мы ехали, водитель по секрету сообщил мне, что у пограничника все-таки есть «штамп», но он пользуется им только в виде исключения. Исключением являются пьяные, которые не понимают слов. В таких случаях он ставит штамп прикладом автомата по ребрам или даже в лоб.

Поселок был небольшой и я, поняв, что ребятам будет выгодно увезти меня обратно (можно вывезти лишнюю обувь), предложил им найти меня, когда они закончат здесь свои дела. Я пока еще не знал, буду ли возвращаться, но надеялся, что пару часов мне хватит, чтобы определиться. Для начала я зашел в автовокзал, где имелась карта дорог, а также поговорил с водителями. Картина складывалась такая: отсюда пару раз в неделю на Джордж Таун (столица) ходит автобус-вездеход. Оттуда в свою очередь можно уехать в соседний Суринам, но вот в Венесуэлу нет ни дорог, ни судов.

В общем мое пребывание в Гуане ограничилось 3-мя часами, проведенными в городке Letem. За это время я познакомился со многими жителями, большинство из которых – чернокожие, бегло говорящие как на английском, так и на португальском. Из разговоров с ними я понял, что правительству в общем-то нет дела до этого региона из-за его отдаленности и неприбыльности. Но правительство Бразилии пытается заинтересовать соседей в сотрудничестве, так как единственный реальный путь к развитию экономики провинции Рарайма – это выход к морю, а ближайший путь туда лежит через территории соседей. Первый шаг бразильцы уже сделали – начали строить мост вместо паромной переправы. Ладно, не буду отклоняться на политику и экономику.

Я пересек границу в обратном направлении на том же автомобиле, что дало ребятам возможность вывезти 3 лишних пары обуви. Итак, в течении дня я проехал 250 км, побывал в Гуане и помог заработать людям, подвезшим меня. Неплохой результат – я люблю, когда от меня есть какая-то польза именно для тех людей, которые помогли мне. Конечно, я надеюсь, что приношу пользу, делюсь накопленными материалами со всеми людьми, но, когда есть отдача прямо на месте – это все-таки приятнее.

Ребята по моей просьбе оставили меня на большой заправочной станции, где ночевали шоферы-дальнобойщики. Здесь я надеялся найти грузовик, идущий на Венесуэлу. Однако через три часа так ничего и не нашел и к полуночи улегся спать под навесом.

Улечься-то я улегся, но заснуть мне сразу не удалось, так как вскоре сюда же на перекур пришло несколько проституток, которых я видел раньше на «съеме». По-моему, они решили перекурить именно здесь из-за меня. Нет, они не предлагали мне свои услуги, но усиленно расспрашивали о своих коллегах в других странах. Через часик они ушли очень довольные тем, что оказывается у них чуть ли не самые легкие условия труда.

Посудите сами: полиция их не трогает (без их желания), сутенеров у них нет, клиенты не оскорбляют и не обманывают. Единственный недостаток – веяние времени: некоторым кли-

ентам, оказывается, нравятся и «мальчики», поэтому они уже пополнили их ряды. Правда их пока не больше 10%. Рынок есть рынок – спрос рождает предложение. Надо будет больше – станет больше.

Наутро я отправился через весь город на нужную дорогу и по пути зашел на рынок. Только войдя внутрь, я узнал его и даже увидел знакомую продавщицу. Мы были на этом рынке с Никитой и Вероникой в прошлый визит в Бразилию. У этой женщины мы покупали «картофельные крошки» (не могу вспомнить название, но не забуду вкус). Без них в Бразилии не обходится ни одна трапеза. Они всегда есть на столах в точках общественного питания, и они бесплатны. То есть, если человек очень голоден, и у него нет денег, он может просто попросить горячей воды и насыпать туда этот универсальный продукт, который, растворившись, превращается в кашу. Обычно его до такого состояния не доводят, и крошки приятно похрустывают во рту. Изготавливается он из юки (корнеплод). Ее протирают через крупную терку или перекручивают на мясорубке и высушивают. В части напитков в Бразилии я особенного пристрастия к чему-то не заметил, хотя водители-дальнобойщики иногда пьют мате, по видимому научившись этому у соседей.

Да, перед тем как отправиться за 200 км к границе Венесуэлы, я естественно позвонил в их посольство и спросил, нужна ли для русских виза. Из новостей я узнал, что договор подписан уже давно, но вот ратифицирован ли он, я не был уверен. Венесуэльский консул заверил меня, что договор вступил в силу, и я спокойно отправился на границу. Я рассчитывал преодолеть это расстояние за один день и прибыть на границу в четверг, но водитель, подобравший меня, на полпути свернул в сторону, и я часов 5 шел до какого-то малюсенького поселка, так как здесь, похоже, боялись подбирать путника на безлюдной дороге.

Да, кстати, забыл сказать: в Бразилии, в отличие от всех соседних стран, запрещено перевозить людей в кузове. Это правило сильно уменьшает шансы автостопа. Посудите сами: вы – водитель, и по доброте душевной хотели бы помочь путнику добраться до места, но путник может быть мокрым, грязным, больным или опасным. Если у вас автомобильный пикап, вы, останавливаясь и не открывая двери, предложите путнику прыгнуть в кузов. Но только не в Бразилии, так как ко всем перечисленным возможным неприятностям добавляется возможность быть оштрафованным за перевоз пассажира в кузове.

В общем до границы я добрался только в пятницу, за час до ее закрытия. На всякий случай я пока не стал ставить штамп о выходе из Бразилии и оказался прав. Венесуэльский офицер заявил, что мне необходима виза. Я, конечно, стал настаивать, и он-таки позвонил в головной офис, но по пятницам – короткий день, и поэтому начальство уже ушло.

Вот почему я не люблю приходить на границы подобных стран на выходные. В случае затруднений приходится ждать понедельника, но в этот раз могло оказаться, что, сидя здесь, я только потеряю время. Поэтому я отправился обратно в Боа Виста. От границы всегда легче уехать, но она уже закрылась.

Я переночевал у венесуэльских стройбатовцев, которые возводили новую таможню. Поужинав и позавтракав с ними, я понял, что кормят их получше, чем российских коллег. Но также, как и в СССР, долг перед Родиной они в течение двух лет отдают бесплатно. Впрочем, в этой бедной стране с большим процентом безработицы многие хотели бы подольше оставаться на службе. Ладно, вернемся в Венесуэлу позже.

Вот я опять в Боа Виста, и пока только суббота. Я решил найти место для двух ночевок где-нибудь поближе к венесуэльскому посольству. Недалеко от посольства я нашел большой парк, в котором, к моему удивлению, было скопление людей, похожее на цыганский табор. То есть стояли большие и маленькие палатки. Посередине было оборудовано что-то типа кухни. Вот только детей почти не было. Я поставил свою палатку-малютку чуть в стороне, так как не хотел, чтобы мне мешали спать по ночам и спросил разрешения приготовить свой ужин

на их костре. Они были не против, но сказали, что через полчаса у них ужин, и я могу поесть вместе с ними, так как они всегда готовят с запасом.

За ужином я расспросил «цыган», что заставило их находиться здесь. Оказывается, год назад правительство Бразилии в связи со своими политическими играми решило выполнить требование местных индейцев, которые требовали отдать исконно принадлежащие им земли. Тот заповедник, о котором я писал выше, в общем-то, никому не помешал. Но оказывается им отдали еще одну территорию, которая прилегает к границе Венесуэлы. Белым фермерам, имеющим там земли, предложено было в течение года покинуть территорию, продав дома индейцам или государству за определенную компенсацию. Мудрые индейцы естественно не стали покупать дома на земле, которая в любом случае отойдет им. Фермерам же государственная компенсация показалась недостаточной, и они оставались жить на своих местах, надеясь на то, что в очередной раз изменятся законы. Как бы то ни было, неделю назад истек срок, и власти просто силой вывезли людей. Вот они-то и находились сейчас в парке, таким образом объявив демонстрацию протеста. По законам Бразилии дети не имеют права участвовать в подобных мероприятиях, поэтому правительство бесплатно предоставило им места в школах-интернатах.

Таким образом выглядела история со слов демонстрантов. Но у каждой медали есть две стороны, например, другие фермеры с которыми я беседовал на сельском рынке, считали, что компенсации, предоставленной правительством, вполне достаточно для того, чтобы приобрести нормальный участок с домом. С их точки зрения переселенцы спекулировали, пытаясь воспользоваться ситуацией и заработать лишние деньги. Ну да ладно – Бог им всем судья.

В понедельник я подошел к открытию консульства, точно зная из интернета, что безвизовый въезд для Россиян ратифицирован. Однако работник – молоденькая девушка, предложила мне оформить визу. Разумеется, я настоял на встрече со старшим консулом, который извинился за некомпетентность нового работника и сказал, что я могу ехать на границу. Разумеется, я не ушел до тех пор, пока мне не дали копию этого документа с подписью и печатью консульства.

Венесуэла

Дистанция по Венесуэле примерно =1000km: Auarada- El Oso- Margarita- El Dorado- Tumeremo- Guasipati- Upata- Puerto Ordaz- Maturin —La Ceiba – Barselona.

В понедельник вечером я уже был на границе, но ее только что закрыли на ночь. Утром я подошел к знакомому офицеру и попросил его поставить штамп о входе. Он опять вежливо отказал мне, сказав, что делал запрос, но ответа еще не получил. Когда я показал ему документ из консульства? он холодно извинился и поставил штамп. Я видел, что он не чувствует за собой вины, а ведь я потерял два дня и проехал лишние 400 километров. Представляете? во сколько это обошлось бы обычному туристу, который ездит на общественном транспорте и живет в гостинице!..

Ну, здравствуй, Венесуэла! Из-за бюрократических заморочек чиновников я не люблю твоих простых жителей, а тем более – просторы гранд саваны! Часть ее я проехал с водителем-бразильцем, который объяснил мне, почему на венесуэльских пограничных заправках нет километровых очередей, как раньше. В прошлый раз я видел их, когда пересекал здесь границу 4 года назад. Водитель сказал, что бразильские водители больше не могут заправляться «халявным» венесуэльским бензином. Ну, не совсем «халявным», но если у себя ты платишь \$1 за литр, то любой нормальный человек поедет заправляться туда, где за \$1 ему нальют 23,5 литра. Но теперь лавочки закрылась: на границе стоит солдатик с тонким шлангом, которым меряет уровень топлива в баках бразильских авто. Если бак не полный, водитель получает от ворот-поворот. Больше никакого контроля нет: заправляйся и едь по Венесуэле сколько и где хочешь, но до ближайшей заправки 200 километров. Так что ехать туда лишь для того, чтобы заправиться, смысла нет.

«Гранд Сабана» протянулась на пару сотен километров и, стоя на кузове грузовика, я наслаждался видами и ветром, насыщенным запахом трав. Эти места довольно часто посещают туристы из-за красивых отвесных гор и множества водопадов. Думаю, что немногие из иностранных туристов знают, что кроме этих красот савана богата залежами золота и других полезных ископаемых. И это не только савана, а почти вся территория этой «бедной» страны.

Туристы-то может и не знают, а вот деловые люди из далекой России давно положили глаз на «дружественную страну». И не только глаз положили, но уже и открыли здесь золото-добывающие прииски. Меня проинформировали об этом водители, и я решил нанести туда визит. Кстати, водители похвально отзывались о порядке и дисциплине на «Mina Russo», а вот к соседним приискам настоятельно рекомендовали даже близко не подходить. Люди говорили, что там постоянно происходят убийства: как шахтеров, так и туристов, приехавших туда с деньгами с целью купить по дешевке самородок. Да, верно говорят: «Люди гибнут за металл!». Сколько лет прошло с тех пор, как написаны эти слова, а люди все также идут на риск из-за «презренного металла».

Частное предприятие, куда я зашел, действительно выглядело более организованно, чем другие, ему подобные, и вход его охраняли два человека с автоматами. Но это были не тупые солдафоны, а вполне грамотные и самостоятельные ребята. Когда я показал им российский паспорт, они впустили меня в проходную, оборудованную кондиционером, и позвонили начальству. Вскоре из офиса пришла миловидная женщина, еще раз проверила документы и спросила о цели моего визита. После того, как я сказал, что хотел бы увидеться с кем-нибудь из русских, Мерседес ответила, что на данный момент никого нет. Она свяжется с ними по телефону и даст мне знать. Мерседес вернулась через час и сказала, что начальство находится в другом городе в головном офисе на встрече с хозяином предприятия, прилетевшим из Москвы. После собрания у них «культурная программа», так что они вернутся только в понедельник утром.

Но это было не отфутболивание, как могло показаться, потому что она добавила, что на случай, если я все-таки решу их дожидаться, начальство распорядилось выделить мне комнату и обеспечить питанием. Терять два дня ради короткой встречи я не собирался, но и выходить вечером на дорогу не имело смысла. В общем, я остался на одну ночь. В кои-то веки помылся горячей водой и поспал в прохладе. От ужина я тоже не отказался, а вот постель расстелить не стал – зачем утруждать прислугу, да и привычнее на полу, в спальнике.

Следующие две ночи я останавливался в небольших городках, пытаясь увидеть какие-нибудь изменения, прошедшие с моего прошлого визита, но не увидел. Изменения в лучшую сторону гарантировал Уго Чавес, а он все-таки президент. Так что хотелось бы верить, что я их просто не заметил. Двигаясь по стране дальше, из бесед с простыми людьми я увидел, что они перемен тоже не заметили. Но они лишь простые люди. Может, мне съездить в Каракас? Я думаю, что те, кто стоит поближе к президенту их (перемены) наверняка почувствовали.

Одна из попуток ехала прямо в Porto Ordaz, и конечно я не преминул навестить своих знакомых Петру и ее сына. Они были рады моему визиту и я, погостив у них два дня, совместил приятное с полезным. Петра хорошо готовила, а я помог им выполнить кое-какие отделочные работы в их новой квартире. Кроме того, я приобрел через интернет относительно дешевый билет до Майями. Правда, билет был не из Каракаса, а из Барселоны, так что через день я уже покинул Венесуэлу, так и не увидев, какие изменения произошли в столице.

Опять Штаты

Дистанция по USA примерно =5000km: Miami – Jacksonville – Atlanta – Birmingham – Memphis – Oklahoma City – Albuquerque – Denver – Billings – Butte – Great Falls – Sweetgrass.

Вот я и в Майями. Поскольку еще не вечер, я решил выбраться за пределы города засветло. Пробовать автостоп в городе, а тем более в штатовском –дохлый номер. Поэтому я выехал за его пределы на общественном транспорте. Но города в этом райском уголке Флориды лепятся друг другу. Поэтому мне пришлось выбираться на хайвей. По дороге в Канаду я решился зайти к своему приятелю Саше Цимерскому, который живет в городке «Палм Кост». До него из Майями 450 км – расстояние для Америки небольшое, однако для того, чтобы преодолеть его, мне понадобилось аж 4 дня, за которые я сменил штук 10 автомобилей, и меня 4 раза убирали с дороги полицейские. Их с моего последнего визита во Флориду точно добавилось, или при правительстве Обамы их заставили больше работать. К тому же раньше полицейские просто предупреждали меня, что нельзя голосовать на хайвеях и фривеях, но никогда не проверяли документы. Сейчас же обязательно «пробивали» мои данные на компьютере.

В конце концов я добрался-таки до своего приятеля и отдохнул там недельку, пытаюсь через его знакомых найти грузовик, идущий в нужном мне направлении. Однако экономический кризис ударил и по грузоперевозкам, так что мои знакомые диспетчеры только разводили руками. Настиг кризис и моего друга – он потерял работу и не смог больше выплачивать кредит, в связи с чем ему пришлось съехать из дома, который он мечтал со временем выкупить. Теперь он просто платил аренду. Я написал об этом потому, что очень многие американцы были вынуждены поступить подобным образом.

Вообще, Штаты – яркий пример глобализации со всеми ее минусами. Мне больше всего не нравится то, что большинство людей здесь живут как инкубационные цыплята! Всю жизнь живут в кредит, примерно в одинаковых условиях, но при этом имеют «американскую мечту»! При этом у них не хватает времени, да и желания общаться с себе подобными и даже с членами семьи. Эмансипированные женщины совсем разучились готовить, а дети не имеют представления из какой страны Европы приехали сюда их бабушки и дедушки. Ну, я могу понять черных американцев – их неграмотных предков привезли сюда в качестве рабов. Но европейцы-то могли сохранить свой язык, традиции, национальную кухню. В этом плане устояли только азиаты и индусы. Выходцы же из Южной Америки тоже довольно быстро ассимилируются. Но я опять отвлекся от маршрута.

В общем, через неделю, «нахлебавшись соли» (мы каждый день ездили купаться на море), я двинулся дальше. Правда, поняв, что на случайных попутках я буду ехать до Канады очень-очень долго, я попросил Сашу довезти меня до ближайшего трак-стопа, который был в Джексонвиле. Примерно через сутки, получив отказ примерно от 300 водителей, я все-таки уехал с шофером-мексиканцем, который провез меня около 1000 км, что составляло примерно 1/5 расстояния. Дальше я двигался примерно такими же темпами и в результате добрался до канадской границы в течение 10 дней. Кстати, последний дальнобойщик, подвозивший меня, оказался русским. Его звали Юра, он уже 10 лет живет в Канаде, работая водителем. Сейчас он ехал на своем грузовике, который купил два года назад, но ожидаемого результата не получил из-за того же экономического кризиса.

Канада

Дистанция по Канаде примерно =1500km: Coutts – Lethbridge – Brooks – Calgary – Kamloops – Cache Creek – Hope – Chilliwack – Vancouver.

Вот и граница, которую я пересек в небольшом переходном пункте Sweetgrass-Courts. Отсюда до Брукса, где живет мой сын, 250 км, но водитель ехал только до Lethbridge, на окраине которого я и заночевал. Оставшиеся 150 км я преодолел в течение суток, двигаясь по проселочным дорогам. Я сменил 5 машин – хорошо, что это не Штаты – канадские фермеры все-таки были не напуганы «террористами и бандитами».

Вот и встреча с сыном, которого я не видел почти год. Он все также жил у моего приятеля – биолога Николая и работал в компании, специализирующейся на ремонте колес большегрузной техники. Мы с ним решили, что пора потратить заработанные деньги на образование, и, дождавшись конца августа, двинулись в Ванкувер. Конечно, можно было найти подходящее учебное заведение и в Калгари, но раз уж все равно срываться, то Ванкувер предпочтительнее. Он, между прочим, считается самым удобным для жизни из всех городов мира.

Никита в мое отсутствие поднакупил всякой литературы. Да и зимнюю одежду, необходимую в холодной Альберте, тоже было жалко выбрасывать, так что наш Додж-караван был загружен полностью. Ну и хорошо. Никите полезно попрактиковаться на горной дороге. В горах осень уже коснулась своей желто-оранжевой кисточкой листьев деревьев, а рядом с дорогой бежали горные речки. Так что ехать было приятно, и мы не торопились. Ночевали под открытым небом, питаясь грибами и ягодами, которые в Канаде никто кроме русских не собирает.

Вот мы и в индейском поселке Литтон, где договорились встретиться с Вероникой. Мы решили встретиться здесь и провести несколько дней на природе, чтобы я мог адаптироваться к «оседлой» жизни, да и от английского я отвык – считай, почти год на испанском и португальском общался. С резервации мы уехали, загруженные «под завязку»: добавился один пассажир. Кроме того, как раз созрели дикие абрикосы и груши – грех было не нарвать на варенье. Конечно варенье я собрался варить не от безделья. Меня ждала «лабораторная» работа, выражаясь языком моих приятелей-геологов. Они все лето работают в «поле», а зимой обрабатывают пробы. Так вот осенью они, уставшие от палаточного неуютя, уже ждут того момента, когда можно поваляться в мягкой постели. Но с середины зимы они ждут-не дождутся выхода в «поле».

Мое прибытие в Ванкувер не осталось незамеченным русской общиной, где слухи распространяются не хуже, чем в деревне. Вскоре телекомпания «Парус» предложила сделать обо мне передачу. Вернее, не только обо мне, но и о моей семье, как об участниках предыдущих путешествий. Конечно же, я не отказался.

Как я уже писал выше, я не стремлюсь к известности, поэтому сам никогда не напрашиваюсь на интервью. Но я никогда и не отказываюсь. Для меня это, как лакмусовая бумажка – раз люди интересуются, значит я не зря топаю по планете. Ведь не каждый может себе позволить в подробностях видеть дальние страны, а я с помощью своих книг и видео делюсь с людьми накопленными знаниями и увиденным. Некоторые мои знакомые удивляются, что я не получаю за свои труды никакого материального вознаграждения и советуют организовать все так, чтобы это приносило доходы. Я благодарен им за то, что они считают это трудом, но для настоящего актера аплодисменты дороже, чем гонорар.

Часть 2. По Шелковому пути

Общее расстояние = 55.500 км. Пешком = 9.920 км

Подготовительный этап

Я давно собирался пройти по Великому Шелковому пути, но все откладывал на потом. Но недавно я узнал, что китайцы планируют построить дорогу по тому маршруту, где тысячу лет назад ходили караваны. Китайцы очень практичны: они, наверняка, учли, что их не менее практичные предки гнали верблюдов по самому короткому маршруту. Кроме того, дорога, проложенная по историческим местам, привлечет туристов. У китайцев нет долгостроя, поэтому, если я хочу посмотреть эти места до того, как туда хлынет поток туристов, я должен поторопиться.

Но после предыдущего путешествия мне нужен «отпуск» для обработки «полевых материалов». После отпуска я решил дожидаться олимпиады, а заодно, в кои-то веки, встретить новый год со снегом и елочкой. В этом году зима в Ванкувере побила температурный рекорд, (самая теплая зима за последние 100 лет), заставив организаторов олимпиады возить снег на трассу, но зато облегчила мое босохождение.

Но вот олимпиада позади, гости разъехались, цены вернулись к норме – можно покупать билеты. Но мать-природа опять показала «царю природы», кто в доме главный. В Гренландии проснулся вулкан, надолго закрыв самолетам дорогу. Пришлось опять ждать до начала мая, но возможно, это и к лучшему. За это время я успел обработать почти все накопившееся видео и перенес на бумагу впечатления о путешествии к «Тьерра дель Фьего». Кроме того, добровольцы из России набрали текст моих сканированных рукописей, и я предоставил его Антону Кротову для издания моей третьей книги. Правда, из-за моего неразборчивого почерка, работа по набору шла медленно, и, как ни старались добровольцы, мое последнее путешествие не было полностью набрано к сроку. Но ничего, надеюсь, это не последнее издание.

Из-за всех этих задержек, в планы нашего путешествия по Шелковому пути были внесены изменения и дополнения. Я планировал начать маршрут с места рождения шелка, начав двигаться с востока на запад, затем, дойдя до места где он разветвляется, определиться, по какой ветке двигаться дальше. Но в это время года целесообразнее было начать движение с запада.

Дополнение к нашему плану пришло в облике Дениса, который попросился в нашу компанию на правах стажера. Мы познакомились с ним возле церкви, куда он пришел с ребенком по случаю какого-то православного праздника. Денису около 35, он из Беларуси, но имеет также и канадский паспорт. Он объяснил свое решение оставить работу тем, что устал от нее, а также от неурядиц в семье, приведших к разводу. Что ж, дорога хорошо лечит подобные раны, да и вообще, отказывать людям в просьбах (кроме просьбы одолжить денег) не в моих правилах.

Амстердам

И вот, в мае мы с Вероникой вылетаем из Сиэтла в Амстердам, где нам придется ждать шесть часов до рейса на Каир.

От аэропорта до Амстердама 80 км, и шесть часов в данном случае, как говорится, «ни два, ни полтора»: в город не успеть, а в аэропорту, кроме разноцветных тюльпанов и деревянных башмаков, ничего интересного. Да и не только аэропорт, вся Голландия, на мой взгляд, малопривлекательна для туристов, наверное, это и послужило причиной легализации наркотиков. Теперь сюда, как мухи на мед, слетается со всего света определенная категория «туристов». Это заключение я сделал из разговоров улетающих и прилетающих. Но меня это удивило не больше, чем цена на икру: пятидесятиграммовая баночка черной икры – 300 Евро! Конечно, по сравнению с некоторыми наркотиками, это не так уж и дорого, правда, я не знаю, для кого икра является таким же наркотиком, как сало для «хохлов».

Но вот объявили посадку на Каир, откуда мы собираемся пойти через Иордан в сторону Китая.

Египет

Общее расстояние=650км. Пешком=150км: CAIRO—Suez – Nuweiba – > Иордания

Мы прибыли в Каир в четыре часа ночи, и нас приятно удивила ночная прохлада, но нам пришлось ехать в другой аэропорт, чтобы встретить Дениса, который прилетал в семь часов утра из Нью-Йорка. Из здания аэропорта мы вышли в восемь утра и сразу же окунулись в раскаленный грязный воздух. На улицах шумно, грязно, пыльно. Нам с Вероникой не привыкать, а вот Дениса, который впервые попал в страну «третьего мира», это, похоже, шокирует. Хорошо хоть, что каирцы уже привыкли к туристам, и не ходят за ними толпами, как в Африке, а то бы ему было совсем не по себе. Местные люди относятся друг к другу и туристам весьма дружелюбно, правда, в районе пирамид, где туристы являются источником дохода, несколько назойливы и хитры на выдумки. Например, предлагают прокатиться на верблюде бесплатно, но когда довольный халявой турист хочет спуститься с «корабля пустыни» на землю, с него требуют платы не за поездку, а за то, чтобы верблюд встал на колени. Или вот еще пример: владельцы магазинов платят подросткам гроши, чтобы они заманивали к ним туристов, которых поят бесплатным чаем, называют друзьями и прочее, но если человек хочет уйти без покупки, оказывается, что чай был очень дорогим, и требуют, чтобы клиент заплатил хотя бы за него. Ну и многое в этом духе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.